Дмитрий ЕМЕЦ
У входа нет выхода
ШКОЛА НЫРЯЛЬЩИКОВ

Дмитрий Емец
У входа нет выхода
Серия «ШНыр», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=433252
У входа нет выхода : роман / Дмитрий Емец: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-42654-6

Аннотация

Что бы вы сказали, если бы узнали, что завтра вам сделают предложение, от которого вы можете и захотите отказаться, но не откажетесь?.. Вам придется жертвовать собой и своими интересами, молчать в тряпочку, тренироваться, вступать в схватки, терпеть неудобства, но вы на все согласитесь. Просто так, без денег... Всего лишь за возможность нырнуть в нетронутый новый мир – *двушку* – и прикоснуться к мощному артефакту из этого мира. А еще за возможность спасти чью-то жизнь. В прямом или переносном смысле – не важно. Важно, что помощь будет реальной. Ведь именно для этого и существует Школа ныряльщиков.

Думаете, такое никогда не произойдет?

Когда на плечо вам сядет золотая пчела, вы посмотрите в глаза Пегаса и станете «небесным ныряльщиком», ваша жизнь изменится!

Содержание

20 сентября 201* г 4
Глава 1 4
Глава 2 26
Конец августа – начало сентября 45
Глава 3 45
Глава 4 56
Глава 5 72
Глава 6 101
Конец ознакомительного фрагмента. 102

Дмитрий Емец
У входа нет выхода

Следует с величайшим старанием составлять запас жил, так как онагры, баллисты и остальные метательные орудия не приносят никакой пользы, если их нельзя натянуть канатами или жилами. Также конский волос из грив и хвостов лошадей очень хорошо подходит для баллист.

Несомненно, что волосы женщин также очень хороши для подобного рода машин, что доказано на опыте в момент тяжелого положения Рима. Когда Капитолий был осажден, то вследствие постоянного и долгого употребления метательные машины испортились, а запаса жил не было, тогда римские матроны срезали свои волосы и дали их своим сражающимся мужьям; машины были исправлены, и нападение врагов отражено.
Вегеций

20 сентября 201* г

Глава 1
МАРШРУТКА № Н

Идут четыре брата навстречу старшему.

– Здравствуй, большак! – говорят.
– Здорово, Васька-указка,
Гришка-середка, Мишка-сиротка
Да крошка Тимошка!
Пальцевая игра

Рина сидела на тумбе, болтала ногами и ждала. Метро выплевывало людей. Рина насчитала девятьсот человек. Из них пятьсот десять – женщины. Оставив пятьсот одиннадцатую непосчитанной, Рина спрыгнула с тумбы и пошла покупать мороженое.

Денег у нее хватало либо на одну порцию хорошего, либо на две так себе. Поколебавшись, она попросила две. «Кто сказал, что они плохие? Они недооцененные!» – успокоила она себя.

Из задней двери тормознувшей машины вывалился пьяный. Он стал совать ей под нос свой паспорт и говорить, что в нем нет детей. Рину это не слишком удивило: она вечно влипала в истории.

Вместо того, чтобы быстро пройти дальше, она взяла паспорт и встряхнула. Из паспорта не вывалилось ни одного даже самого маленького ребеночка.

– И правда! – сказала она. – Нету!.. Ну ничего: когда обзаведетесь – сразу приходите за педагогическими советами!

Пьяный обиделся и стал хватать ее за рукав. Рина добежала до сурового патрульного, который с риском для жизни ловил бабку, незаконно продающую грибы на нитке, и суну-

ла ему паспорт.

– Я тут документик нашла! Не посмотрите чей? – попросила она и нырнула за павильон.

Ждать оставалось тридцать минут. Во всяком случае, так сказал Кузепыч. Когда она увидит, что на указанном месте собрались девять человек, она должна нажать на *кентавра*. Один раз. Вот и все.

* * *

«Прикольно*о*! Москвич в третьем поколении, а никогда не был на «Планерной»!» – понял Сашка, поднявшись в город. Свое любимое «прикольно» он всегда произносил с ударением на последний слог.

Что-то светлое летело высоко, над домами. Вначале Сашка подумал, это шар, но, присмотревшись, разобрался – обычный пакет. Летит себе, и никакой ему заботы, что под ним двадцать этажей пустоты.

Сашка шагнул к столбу и с интересом огляделся. Забавный район. Тесный, игрушечный. Дома подступают к павильону метро. Можно выйти на балкон и глазеть на толпу. А ночью, когда лежишь в тишине, слушать, как вздрагивает пол и где-то под тобой проносятся поезда.

Сашка сосредоточился, определяясь, куда ему теперь. Перед ним тянулась асфальтовая площадь с островками, к которым причаливали автобусы и маршрутки. Как всегда на

конечных станциях метро, их было множество.

– Не знаете, где тут маршрутка № Н? – спросил он у женщины в красной ветровке.

Женщина играла с ребенком. Она рассеянно подняла глаза, и часть нежности, адресованной ребенку, случайно плеснула на Сашку. Почти сразу нежность на лице потускнела, втянулась куда-то внутрь, и Сашка пожалел, что оторвал человека от приятного занятия.

– Не знаю! – сказала женщина и снова нырнула в своего ребенка, как в пруд.

– А вы не знаете, где маршрутка № Н? – обратился Сашка к вынырнувшей из-за столба сутуловатой спине.

Спина качнулась, и Сашка сообразил, что с «не знаете» промахнулся. На него смотрел ровесник. Правда, чтобы это определить, Сашке пришлось бесконечно задирать голову. Парень был не просто двухметровый, а где-то под два-десять. Узкоплечий, длиннорукий. Зубы крупные. Два передних как у бобра. Глаза зеленые, насмешливые. Руки при ходьбе болтаются как веревочные, подбородок делает «чик-чик», вправо-влево.

На лбу у незнакомца Сашка увидел длинную, плохо заросшую царапину, уходящую под волосы.

– В лифт не вписался. Москва – городок карликов, – проследив его взгляд, словоохотливо объяснил долговязый. – А на предмет маршрутки проинструктировать бессилен. Сам ищу!

Сашка продолжил рыскать по площади. Про маршрутку № Н не знал никто. Он дошел до последнего асфальтового островка и собрался возвращаться к метро, когда внезапно увидел на столбе лист с жирной буквой «**Н**».

Обозрев очередь, Сашка убедился, что в одну машину они вполне влезают. Поворачиваясь, задел рюкзаком стоящего перед ним парня. Тот оглянулся, оценивающе посмотрел и не плюнул, а скорее цыкнул на асфальт. Сашка подумал, что про таких говорят «пацан» или «пацанчик». Невысокий, плотный, в водолазке. Двигается неспешно, вкрадчиво, как кот.

– Макар! – он сунул Сашке твердую как деревяшка ладонь.

Сашка на всякий случай сильно пожал ее, ожидая, что сейчас будут тиски, и обманулся, потому что «пацанчик» даже не потрудился сжать пальцы. Получилась глупость. С одной стороны, с тобой зачем-то познакомились. С другой, к твоей руке отнеслись, как к дохлой рыбе.

Голос у «пацанчика» был соответствующий. Треснутый. С гнусавинкой.

– Как сам? Ничего? – спросил он без малейшего смущения.

Говорил Макар медленно. От слова до слова можно было протянуть веревку и сушить полотенца. Когда люди говорят таким образом, это здорово давит на мозги.

У Сашки появилось желание рассказать Макару всю свою

жизнь с момента рождения, чтобы посмотреть, на каком месте тот уснет. Но он сдержался и кратко ответил, что лучше не бывает.

– Ча, прям так вот и не бывает? – Макар явно пытался загнать Сашку в угол, задавая вопросы, на которые нельзя ответить нормально.

И Сашка вообще не стал отвечать. Он смотрел уже не на Макара, а на девушку, которая хваталась за свою сумку всякий раз, когда звонил чей-нибудь мобильник. Мелодия для нее особой роли не играла.

Макару не понравилось, что кто-то может отвлечься от общения с ним. Он взял Сашкину пуговицу и стал ее откручивать.

– Местный? – хмуро спросил он.

Сашка стряхнул его руку. Макар удивился такой наглости.

– Знаешь тут кого-нибудь?

– Тетю Клаву из цветочного киоска!

Сашка безошибочно ощущал, что драться Макар не будет. Такие любят разводить на «ля-ля», отыскивая в собеседнике слабину. Предпочитают достать из кармана автоматную гильзу и вертеть ее в пальцах. Или открывать и закрывать кнопочный ножик. Или ввинтить в речь что-нибудь эдакое, чтобы всем ясно было, с кем они имеют дело.

– Ча, смелый? – дошло, наконец, до Макара.

– Угадал.

– А-а! Ну я так и понял! Давай: береги себя, брат! – Ма-

кар снова зачем-то сунул Сашке руку, к которой тот, помня прошлый опыт, просто прикоснулся двумя пальцами, и отвернулся. Сашка понял, что «береги себя!» было не угрозой, а просто последней попыткой испортить настроение.

Белый микроавтобус вынырнул неизвестно откуда. В левом нижнем углу водительского стекла белел листок с такой же буквой **«Н»**, как на столбе.

Сашка был опытный маршруточник и сразу за водителем садиться не стал. Слишком много беспокойства: вечно кто-то выходит, пересаживается. Ему хотелось забиться в угол и смотреть в окно, наблюдая, как на колеса маршрутки медленно наматывается распаренная солнцем Москва. Плюхнувшись на второе одиночное сиденье, Сашка пристроил рюкзак на колени. В плече отдалась дрожь: дверь захлопнули. Микроавтобус заканючил поворотником, втиснулся в поток машин.

Никто не заметил, как в последнем ряду кресел улыбчивая девушка с веснушками точно невзначай потянула вверх рукав и, чего-то коснувшись, едва слышно шепнула: «Полная загрузка!» Вернула рукав на место и откинулась на спинку сиденья.

Глядя из высокой маршрутки на обгонявшие их легковые автомобильчики, Сашка всматривался в тех, кто сидел внутри, и удивленно думал: столько людей, а все разные. Хоть бы один повторился. У каждого своя внешность, в каждой судьбе – уникальная череда мельчайших событий. Все это непо-

вторимо оттискивается в мыслях и чувствах.

На несколько секунд у Сашки закружилась голова. «Опять!» – подумал он. Память старательно раскручивала клубок.

Желтая майка, зеленые трусы, черный шлем, красный нос, синие перчатки. Сашка насмешливо наблюдал, как его соперник несется к рингу, торопливо вбивая большим пальцем капу в рот.

– Дудник – Бычков! Два по две! Живее! Дудник, особое приглашение?

Тренера звали Пал Палыч. Он состоял из опыта, пуза и свистка. Примерно в такой последовательности. Хотя бывали дни, когда на первое место выступал свисток, а опыт и пузо тащились следом.

Сашка (он же Дудник) пригнулся и под канатами пролез на ринг. Проделал он это очень лениво. Показывал, что ему обидно – против него, старичка, ходящего третий год, поставили новенького.

Бычков уже топтался на ринге. Чувствовалось, что он нервничает. Еще бы. Первый бой. Бычков посещал секцию всего месяца четыре, прыгал через скакалку и старательно отрабатывал у зеркала двойки, уклоны, вывод правой и прочие азы. В общем, типичное мясо, хотя мощный, конечно.

– Готовы? Поехали!

Ткнув перчатками в перчатки Бычкова, Сашка стал лениво пританцовывать. Открытый, только правая перчат-

ка приподнята где-то на уровень груди.

Бычков, напротив, перчатки держал у носа, а подбородок едва ли не в грудь втиснул. Зажимается, а потом – бух-бу-бух! – двоечка. Насобачился по мешку бить. Но с мешком-то все герои: он сдачи не дает.

– Бычков, не наклоняйся вперед! Активнее! Ноги! Покажи этому клоуну! Смелее! – заорал Пал Палыч.

На клоуна Сашка обиделся и, обидевшись, стал кривляться еще больше. Совсем открылся и только некоторые удары принимал в перчатку, а так или дистанцию разрывал, или пропускал удар над ухом. Про себя решил, что так и проходит весь бой. Клоун так клоун!

Бычков пыхтел и, осмелев, работал как молотобоец. Изредка, когда он слишком наседал, Сашка щелкал его левой. В конце первой двухминутки Бычков был весь мокрый. Оскаленная капа сипела. Он перчаткой вталкивал ее обратно. Сашка даже посочувствовал. Когда задыхаешься, капа кажется ужасной дрянью. Чем-то таким кровяно-резиновым и сладким на вкус.

– Десять секунд до конца! Активнее! – рявкнул Пал Палыч.

Сашка, давно дожидавшийся этого момента, опустил и правую руку и теперь уходил только корпусом, изредка подставляя плечо. Параллельно он считал оставшиеся секунды, думая о всяких посторонних вещах. По русскому завтра диктант… Отцу надо чего-нибудь ко дню рождения, но по-

купное он не оценит… Семь… Восемь… Девять…

Сашка насчитал десять, потом одиннадцать, потом двенадцать, и, удивленный, что бой до сих пор не остановлен, оглянулся на Пал Палыча. Тот разговаривал с кем-то, просунувшим голову в зал. Понимая, что бой закончен, Сашка совершенно забыл о Бычкове и вспомнил только, когда первый удар из двойки врезался ему в скулу.

Сашку отбросило. Он, защищаясь, вскинул руки, но успел только чиркнуть по низу правой перчатки Бычкова ровно настолько, чтобы направить ее себе в подбородок. И слова «Уходя, гасите свет!» стали реальностью не только для девушек, носящих имя Света.

Через какое-то время к Сашке в темную комнату пробился запах нашатыря. Не захочешь, а очухаешься. Просто от омерзения.

– Ну что клоун! Докривлялся? Брысь отсюда! Две недели отдыхаешь! – произнес тренер без сочувствия.

Сашка смотрел на него и улыбался. Мыслей у него было мало-мало, и все какие-то странные. И люди ему казались удивительными: это, наверное, оттого, что он малость «замедлился». Где-то на горизонте маячил Бычков – смущенный, жалеющий его и одновременно гордящийся собой. Он пока не знает, что на следующей тренировке его поставят с кем-нибудь из ребят построже, чтобы тот внятно объяснил ему: отвернувшихся не бьют и поплывших не добивают.

Пал Палыч выплюнул свисток, которым он подзывал к себе двух парней постарше, чтобы послать их на опустевший ринг.

На улице Сашка долго сидел на шине, разглядывая толстые тополиные стволы. Их пилили, под них сливали отработанное масло, а они все пускали и пускали побеги.

По крайнему тополю, кора с которого была стесана на большом участке так, что получилась белая, почти человеческая кожа, текла струйка муравьев. Изредка то один, то другой сворачивал чуть в сторону и пытался заползти в глубокую щель в тополином стволе. Шевелил усиками и пятился.

Сашка попытался заглянуть в щель, но увидел лишь голову с двумя большими глазами и шевелящимися усиками. Побарабанил по стволу ногтями, и из трещины внезапно выползла крупная золотистая пчела.

Она бесстрашно рассекла ручеек муравьев и, пролетев так близко, что ее крылья коснулись его щеки, исчезла. Сашка побрел к дороге. В голове прояснилось, и она чуть меньше напоминала громыхающее ведро. Хотя, конечно, при всякой попытке даже оглянуться Сашку начинало шатать.

Голова больше не кружилась. Сашка привычно оттянул верхний карман камуфляжной куртки и, соображая, кому передать деньги, скользнул вокруг взглядом.

«Ну и дела! Да тут всем лет по пятнадцать! Ну максимум по шестнадцать!» – подумал он.

Не так часто встретишь ровесников в таком количестве, чтобы это было совершенно случайно. Сашка даже оглянулся: те, кто за спиной, были того же возраста. Невероятно, но факт!

Сашка прокрутил вариант, что где-то закончились занятия или, предположим, тут все, кроме него, одноклассники, которые вместе куда-то едут. Но нет. Никто в маршрутке никого не знал. Иначе не бросали бы друг на друга любопытные взгляды. Не было бы и осторожной, выжидательной напряженности.

Сразу за Сашкой сидела девушка, та самая, что хваталась за свой телефон, когда звонил чужой. Маленькая, хрупкая, с тонкой шеей – можно обхватить двумя пальцами. Как на таком цветочном стебле держится голова – непонятно, но держится, и прочно.

Лицо остренькое, умное, беспокойное. Брови густые, губы обкусанные. Волосы подстрижены не просто коротко, а ультракоротко – на одну фалангу мизинца. Лоб выпуклый, упрямый. Наверняка хочет во всем быть первой. Пишет письма политикам, режиссерам и певцам. Готова вкалывать, как электровеник, двадцать пять часов в сутки.

В соседнем ряду у окна – худощавый парень в синем костюме, с галстуком, в кремовой рубашке. Причесанный, отутюженный. Вся эта сбруя, как ни удивительно, смотрится на нем органично. Чувствуется, что он всегда ходит окостюмленный, а не раз в год. Вот и сейчас в маршрутке душно, а

он как истукан. На лице ни капли пота, воротник застегнут на все пуговки, даже галстук на сторону не оттянут. Сидит и тревожно отодвигается от своей соседки, которая роняет себе – а заодно и ему – на колени пудру с пончиков.

Соседка – абсолютная его противоположность. Большая, нетолсто полная, с грудью как диван. От ее лица веет непрошибаемым спокойствием. Отодвигается от нее «костюмчик» или нет, ее волнует мало. Скорее всего, девушка даже не поворачивала головы, чтобы выяснить, сидит с ней кто-то рядом или нет. Вся она – в созерцательной полудреме.

Одета в просторную домашнюю кофту ручной вязки. В такую кофту провалятся любые крошки, и кошачья шерсть на ней не видна. Волосы длинные, как у русалки, небрежно заплетены в косу. И не потому они такие, что она специально их отращивала, а просто не мешала волосам делать, что им заблагорассудится.

Если захочешь попасть в жизнь к такой девушке, не пытайся мельтешить перед глазами. Для нее это слишком утомительно. Просто приди и поселись рядом. Возможно, через годик-другой она обнаружит, что около нее на кухне сидит кто-то посторонний, и до нее, наконец, дойдет, куда исчезали ее блинчики.

Справа от «спящей красавицы» паренек в светлой футболке ритмично дергает головой. Небольшой, горбоносый, даже сидя непрерывно пританцовывает. Зубы неровные, напрыгивают друг на друга. На левом глазу – черный круг из

пластика, который пересекают две тканевые полосы. Сашка некоторое время соображал, действительно ли у него нет глаза или это так, финальный штрих к романтическому портрету. Еще Сашка недоумевал, с какой радости паренек дергается, пока не заметил маленький наушник.

Внезапно парень в футболке поворачивается к своей соседке и громко (сразу видно, музыка в ушах грохочет) произносит:

– Спорю на номер твоего телефона, тебя зовут Лена!

Спокойная девушка вдумчиво смотрит на него. Ее одноглазому соседу кажется, что ответа не будет. Он успевает раза четыре вытащить и вставить наушник, когда, наконец, слышит:

– Надо не так: спорю на номер твоего телефона, тебя НЕ ЗОВУТ Лена!..

Одноглазый счастлив. Есть контакт!

– Спорю на номер твоего телефона, тебя не зовут Лена! – послушно повторяет он.

– Проиграл. Я Лена! – сочувствует девушка и продолжает флегматично осыпать колени соседа слева пудрой с пончиков.

Сашка едва не сползает под сиденье. Он видит, что одноглазый впервые в жизни угадал и теперь пребывает в растерянности, не зная, как раскручиваться дальше.

– Серьезно: Лена? Или прикалываешься?

– Отстань, а?! – тоскливо просит девушка.

– А какой-нибудь документик показать?

– Щаззз!

– А я вот могу показать! Мне не жалко! – предлагает одноглазый и жестом фокусника извлекает два пропуска и социальную карту.

– Тут не смотри! Тут я по-дурацки получился! – сообщает он и с удовольствием показывает именно это фото. Сашка замечает, что на фото одноглазый представлен с двумя глазами. И еще видит имя – Кирилл.

Через кресло от Сашки девушка в черной майке дышит на стекло и рисует виселицу. На шее – два армейских жетона в связке, по военному стандарту. На лице – нежные розовые прыщики.

«Интересно, она в курсе, что второй жетон нужен, чтобы вешать его трупу на большой палец левой ноги?» – прикидывает Сашка.

Ощутив на себе взгляд, девушка с жетонами перестает рисовать и вопросительно оборачивается. Сашка спешит придать своему лицу мебельное выражение.

Глазея, он потревожил не только девушку с жетонами, но и лобастую особу с цветочной шеей. Она раздраженно вскидывает лицо, одновременно закрывая ладонью экран телефона. Сашка понимает, что он для нее нечто вроде дополнительного сиденья маршрутки.

– За одного! – слышит Сашка и сам не понимает, как в руках оказываются деньги.

Она не просит, даже не требует, а дает целеуказание. Раз ты глазеешь и ничем не занят – сделай что-нибудь полезное.

– Еще за одного! – просыпается девушка со смертными жетонами.

«А чего, интересно, мне? Дали бы Макару. Или ему только ночью в парке и вместе с сумочкой?» – мысленно вредничает Сашка.

Аккуратист в костюмчике тоже доверил Сашке заплатить за проезд и немедленно потребовал сдачу. Его купюра была разглажена так, будто он целую ночь продержал ее в словаре. Девушка с пончиками заморачиваться не стала и, даже не пытаясь пересчитать, высыпала на руку Сашке горсть мелочи.

Пока Сашка разбирался с деньгами, его дружелюбно толкнули в плечо. Парень, сидевший по диагонали, ухмыльнулся ему как старому знакомому. Это оказался тот самый царапнутый.

– Привет! – сказал Сашка.

– Взаимное встречное почтение! Я же сказал, что произвожу поиски! А ты кивнул и сразу учесал! – укоризненно ответил парень и добавил: – Даня!

Наклоняясь к Сашке, Даня толкнул его острым коленом и одновременно чиркнул лбом по скуле. Не человек, а ходячая травма для окружающих.

– Заметил? – шепнул он.

– Что все одного возраста? – догадался Сашка.

– Ну это еще терпимо! – отмахнулся Даня. – Прикинь: на светофорах не останавливаемся. Раз. По дороге никто не садится и не сходит. Два. Несколько раз люди поднимали руку, но мы даже не притормозили, хотя мест свободных полно.

– Странно, – согласился Сашка. – Обычно всех берут.

– Эй, вы, двое! Кончайте шептаться! Нельзя ли пошевелиться? – руководящая девушка нетерпеливо дернула Сашку за рукав.

Голос у нее звучал бесстрашно. Чувствовалось, она не только рубит правду-матку, но и размахивает ею как оглоблей. Сашка обнаружил у себя в руке веер из купюр и, вспомнив, что давно пора от него избавиться, просунул вперед.

– Передай там! – окликнул он и потряс за плечо человека, сидевшего прямо перед ним.

К нему обернулись. Сашка от неожиданности отдернул руку. Он считал, там парень, а «эй!» оказался девушкой. Красота ее была так очевидна, что ее признала бы даже злопыхательская, острая на язык тетка. Правда, та обязательно добавила бы, что ноги от ушей – признак дистрофии, а в таких хорошеньких головках не бывает мозгов. Но от зависти никуда не денешься: не можешь сам залезть на забор, так хоть доплюнь до того, кто там сидит.

Заметив Сашину реакцию, девушка дрогнула углом рта и этим испортила семьдесят процентов впечатления. Самодовольными бывают не только индюки. Просто индюшкам охотнее прощается.

– Можно неприличный вопрос? Это камуфляж чей? Английский? Бундесверовский? – спросила она.

Сашка ответил, что камуфляж пока что наш, российский. За следующие сорок секунд ему задали еще три неприличных вопроса: «Зачем на шее платок?» («ПрикольнО».) «Почему от тебя пахнет гарью?» («Костром».) «Что ты хочешь выразить своими военными брюками?» («Просто удобно».)

Оказалось, красавицу увидел не только Сашка. Паренек с кружком на глазу тоже не просмотрел.

– Спорю на номер твоего телефона, тебя зовут… э-э… Наташа! – влез он, не пытаясь напрячь фантазию. Его спокойная соседка подняла брови и с вызовом стряхнула ему на колени крошки со своей юбки.

«Все равно молодец! – мысленно одобрил Сашка. – Не боится, что отошьют. Летает по жизни как дятел. Постучался, не открыли – дальше полетел».

Сам Сашка так не умел. Для него мир был слишком подробный, и люди подробные. Сашка смутно улавливал, что для каждого человека существуют свои особенные слова, которые подходят к нему как ключ и отмыкают душу. Но вот какие это слова, не знал. А потому если и говорил с девушками, то обычно нес дежурную чушь. Какая музыка нравится, на каких сайтах бывает, ну и так далее.

Красавица пасмурно посмотрела на Кирилла. Похоже, он набрал даже меньше очков, чем Сашка. Все-таки Сашка ничего себе. Русый, сероглазый, лицо открытое.

– Так как тебя зовут? – повторил Кирилл.

– Не помню, – с вызовом ответила красавица.

– Что? Прям так в паспорте и записали? – изумился Кирилл. – Круто!

Девушка сдалась.

– Ну хорошо. Лара я! Дальше что?

– Дальше – улыбка!

Лара улыбнулась – послушно и устало.

«Достучался!» – мысленно похвалил Сашка.

Влад Ганич – Сашка мимоходом выяснил, что так звали аккуратиста в костюме – внезапно встал выглаженным коленом на сиденье и с подозрением заглянул назад, на последний ряд.

– А-а!.. Ну тогда да! – загадочно протянул он и сел.

Сашка тоже привстал, чтобы понять, что заинтересовало Ганича. Посмотрел назад и заблудился в простых чувствах и словах, как младенец в ножках стола. Красавица Лара мгновенно отошла на второй план и стала просто фоновым пятном.

На последнем ряду, у окна, сидела девушка. Лицо у нее было радостное, точно человек ждет от жизни подарка, хотя и зарабатывает одни шишки. Много мелких веснушек делали кожу пестрой. Даже на мочках ушей веснушки. Короткий, чуть вздернутый нос похож на воробьиный клюв. Поначалу кажется, что нос должен быть совсем не такой – смешной, словно с чужого лица. И лишь позже чувствуешь: другого

тут быть не может. Вылепив эту девушку из глины, жизнь осмотрела свою работу, осталась довольна и, в качестве последнего штриха, весело щелкнула ее указательным пальцем по носу, шепнув: «Ну, что стоишь? Иди! Дыши! Живи!»

– Ты кто? – глупо спросил Сашка, пытаясь понять, как мог ее проглядеть.

Потом понял: девушку закрывала высокая спинка.

– Я? Человек!

– Какой?

– По имени Рина! – последовал насмешливый ответ.

– А что ты тут делаешь?

Рина захлопнула книгу. Читала она учебник по коневодству. На запястье у нее Сашка разглядел нечто вроде массивного кожаного щитка, уходившего под рукав.

– Еду! – емко сказала она.

Кто-то выдернул деньги у Сашки из пальцев.

– Дай сюда!

Опять Макар. Разумеется, «брателло» давно пересел и пристроился рядом с Ларой. Интересно, он разузнал у девушки, местная ли она? А беречь себя посоветовал?

Макар вспрыгнул коленом на сиденье и, подскакивая вместе с несущейся маршруткой, окрикнул водителя:

– Эй, дядя! Ау! Деньги берем?

Никакого ответа. Водитель даже не попытался протянуть руку. Они видели только синюю спортивную куртку с высоко поднятым воротом и бейсболку.

– Алло, гараж! Оглох? – заорал Макар совсем нагло. Видно, считал, что унизить кого-то на глазах у девушки – дополнительный способ заработать очки.

«Сейчас водила остановит, и он вылетит пробкой, напутствуемый нежными ударами монтировки!» – прикинул Сашка и ошибся. К Макару даже не повернулись. Для такого, как он, это вызов. Еще бы – великий человек ерзает на сиденье бесценной коленкой, мусолит денежку в потной ладошке, а его игнорируют.

– Деньги себе оставляю! Народ, вы все видели? Нас везут бесплатно! – во всеуслышанье заявил Макар.

– Он просто глухой! Кто-нибудь, потрясите его! – потребовала руководящая особа с цветочной шеей.

Только что она познакомилась с любительницей виселиц и армейских жетонов, и Сашка услышал, как она представилась: «Фреда». Интересно, как ее зовут на самом деле? А то бывает: поссорится человек со своим именем и всю жизнь пробегает непонятно кем.

Сашка поставил рюкзак, перескочил на пустое сиденье рядом с Макаром и попытался коснуться плеча шофера. Именно попытался, потому что маршрутка резко вильнула, обгоняя автобус. Сашка, не удержавшись, опрокинулся назад, невероятным образом сдернув с собой водителя.

Он закричал, ожидая столкновения: маршрутка продолжала мчаться. И лишь секунду спустя осознал, что в руках у него синяя куртка от спортивного костюма. Решив, что со-

рвал ее с плеч шофера, он вскочил и увидел: за рулем никого. Только в воздухе болтается бейсболка. Теперь, когда куртка находилась у Сашки, отсутствия водителя было утаить невозможно.

Глава 2
ИЗ НИОТКУДОВСКА В НИКУДАТЬЕВСК

Во всяком добре ключевое слово «регулярность». Нерегулярное добро – это зло, которое решило поразвлечься.

Ведьмарь будет рассуждать о глобальных законах по искоренению голода в масштабах вселенной, а шныр просто молча сунет кому-нибудь яблоко или пирожок да и пойдет себе дальше.

Чем сильнее любят – тем больше запрещают. Если хочешь наверняка уничтожить того, кого любишь, разреши ему все.

К мудрости ведут два пути – скорби либо добровольного самоограничения, то есть, в общем-то, той же скорби, только осознанной. Если ты не выбираешь второй путь, первый сам выбирает тебя.

Лучше взять меньше, но донести, чем взять много и бросить на полпути.

Сила человека проявляется в том, насколько сильно он сумеет наступить на себя.

Конспект Яры. Из вводной лекции Кавалерии

Фреда меланхолично созерцала пустоту на водительском сидении.

– А где??? Что ты сделал с водителем? – поинтересовалась

она голосом человека, не уловившего соли анекдота.

Сашка ощутил, что виноватого она нашла.

– Вот он! Лови! – Сашка бросил ей куртку.

Фреда с ужасом оттолкнула ее сразу двумя руками. Куртка упала. Теперь, когда ее разоблачили, она более не притворялась живой.

– Нет! Ты с ним что-то сделал!!! А-а! – Фреда закрыла глаза и коротко вскрикнула, подавая сигнал к всеобщей панике.

В ту же секунду завизжала Лара, демонстрируя отменную вокальную подготовку. Макар деловито посоветовал ей заглохнуть. Одновременно он навалился животом на спинку, касаясь лбом зеркальца. Недоверчиво, точно подозревая невидимку, пошарил рукой.

– Во, дела! Водилы реально нет! Кто-нибудь рулить умеет?

Показывая, что она и сама неплохо справляется, маршрутка лихо нырнула между двух трейлеров и ушла в крайний ряд. Подрезанный грузовик замычал как обиженный бык.

– Я! – сказал Сашка, снесший недавно на дедушкиной «Ниве» соседям дачный забор.

– Ну так займись!.. – поощрил его Макар.

Сашка хотел перелезть, но Фреда вцепилась в него:

– Только попробуйте кто-нибудь тронуть руль! Я поняла! Мы идем по компьютеру!

Даня недоверчиво посмотрел на продавленное сиденье, на

дребезжащую дверь. Увидел пачку кефира и мятый журнал.

– По спутнику! – скептически сказал Даня, наблюдая, как маршрутка раздраженно гудит выскочившей на дорогу псине и лихо сворачивает, окатывая ту грязной водой из лужи. – Во! Спутник прочухал биологическую активность и задал коррекцию курса с учетом направления разбрызгивания жидкости!

Сашка пытался освободиться, но сделать это без грубости было невозможно. Фреда повисла на нем клещом. Живым не отпустит. При этом Сашка не сказал бы, что она паниковала. Просто человек такой. Ни одно действие в ее присутствии не может быть совершено без ее одобрения.

– А если это шоу? Нас везут на платформе и незаметно снимают нашу реакцию? И в эфир? А? – выдвинула Фреда другую версию.

Услышав, что ее могут снимать, Лара мгновенно успокоилась и поправила волосы.

– Можно неприличный вопрос? Кто тут подсадной со студии?

– Я! Разве не видно? – заявил Кирилл, но, обнаружив, сколько народу на него сразу уставилось, дал задний ход. – Все-все! Не надо меня убивать! Я уже заглох! Какое шоу, народ? Вы хоть одну камеру видите?

– А если скрытые? – деловито предположил Ганич, аккуратист в костюме.

Кирилл покрутил у виска пальцем.

– В этом дребедане? Даже если и втюхать тут какую-нибудь вебку – она ж показывать будет как глаз дохлого таракана! Для эфира не пойдет! – сказал он со знанием дела.

Лара постучала телефоном по колену.

– Ничего не понимаю! Здесь должны быть все палки!

Фреда посмотрела на нее испепеляющим взглядом.

– Палки в лесу, – сказала она и, отпустив Сашку, села.

Маршрутка, наконец, вырвалась за пределы МКАД и помчалась между пестрых новостроек. Район тут был просторный, новый, дороги широкие, свободные. В повороты маршрутка входила лихо. Как Сашка ни берегся, а боднул лбом стекло.

– Мы отсюда не выберемся! Мы обречены! – спокойно произнесла девушка со смертными жетонами.

– Не каркай! – набросилась на нее Фреда.

«Жетоны» пожали плечами и длинным ногтем пририсовали к виселице завершающую перекладину.

– Я не каркаю! Я знаю!

Даже Рине и той стало жутковато. Она жалела, что дала Кузепычу обещание молчать. А не будь этой клятвы – что бы она сказала? «Мы едем в ШНыр!» – «Куда-куда?» – «Да в ШНыр! Это школа ныряльщиков такая, где на лошадях на *двушку* летают через мертвый мир и достают оттуда закладки!»

Маршрутка выехала на длинную прямую дорогу, и ее перестало болтать. Опередив Сашку, Даня быстро привстал.

– Девушка! Можно ли попросить вас в виде огромного одолжения убрать черепную коробку? – обратился он к Ларе.

– Куда? – растерялась она и немедленно получила исчерпывающий ответ:

– Нестрого перпендикулярно спинке, но таким образом, чтобы уровень макушки оказался ниже уровня верхнего среза сиденья!

– А-а?

– Бошку убери!!! – предельно упростил Даня и неожиданно ловко, пользуясь своим циркульным ростом, перевалился животом сразу через два кресла. Мелькнули бесконечные ноги. Спасаясь от них, Лара с писком пригнулась. До нее, наконец, дошло, зачем уровень макушки должен быть ниже.

Подошвы застучали по спинке, и Даня вынырнул уже с другой стороны. Скользнул на водительское место, схватился за руль и нажал на тормоз. Сашка смотрел, как утапливается педаль.

– Стой, моя хорошая! Тпрру! – приказал Даня.

От лошадиного слова маршрутка начала притормаживать, но взбрыкнула и продолжила лететь вперед. Даня вцепился в руль и попытался перестроиться в крайний ряд. Руль послушался, но опять же на поведении маршрутки это никак не сказалось.

– Попробуй затормозить сцеплением! – посоветовал Сашка.

Даня кротко оглянулся на него, точно спрашивая: дума-

ешь, сам не знаю? Выжал сцепление и, последовательно переключаясь, стал понижать передачи. Когда дошел до первой, микроавтобус лихо выехал на встречку и, бесстрашно прорезав поток, повернул на перпендикулярную улицу.

– Это бесполезно, господа! Я устраняюсь! – пафосно произнес Даня и перелез обратно в салон.

Там он сел как истукан и устроил на коленях руки ладонями кверху. Что-то, чего никак нельзя было ухватить, шевелилось в его памяти. Что-то важное, ускользающее.

В стеклянной банке, на треть заполненной водой, плавали окурки. Сквозь забрызганное краской стекло – треснувшее, с жившим в трещине подсвистывающим сквозняком – на Даню смотрел скупой и четкий красками московский двор. На солнечном диске сидела золотистая пчела и чистила лапками крылья. Даня подул на нее. Пчела взлетела и, сердито ударяясь в стекло, мячиком запрыгала к верхнему краю рамы.

– Я предупреждала: все мы умрем! – с глубоким удовлетворением в голосе произнесла девушка в черной майке. От ее голоса мороз исходил.

Кирилл коснулся пальцем жетонов.

– Послушай, солнце!

– Ненавижу солнце! – оборвали его «жетоны».

– Да не злись ты! Спросить льзя?

– НЕТ!

– Тебя никогда раньше не душили подушкой? А, солнце?

Девушка оттолкнула его руку.

– Ты что, тупой? Я не солнце! Я Алиса, придурок!

Обидеть Кирилла было невозможно.

– Придурок! – сказал он, обращаясь к себе. – Знакомься! Это Алиса, которую никогда не душили подушкой!

– Баран!

– И которая активно разучивает названия животных! – Кирилл торжествующе огляделся.

Алиса, замолчав, отвернулась. Кирилл явно считал себя победителем, однако Сашка в этом усомнился. Парень не должен сражаться с девушкой на равных и ее оружием: языком. Они существуют заведомо в разных измерениях. Ну чем орлу тщеславиться перед дельфином? Что он умеет летать? А дельфин плавает. Кирилл же вел себя, как бородатый профессор философии, который, нацепив юбку, отправился на завалинку и сказал, потирая ручки: «Ну, бабки, держитесь! Ща я вас всех переаргументирую!!!»

– Попробую выпрыгнуть! Раз телефоны здесь не ловят – может, снаружи заработают! – крикнул Сашка и рванул дверь.

Замелькал асфальт с мелкими лужицами. Сашка попятился. Он и не представлял, что они едут так быстро. Фреда, додумавшаяся все снимать, направила на Сашку круглый глаз мобильника.

– Не надо! – не удержавшись, крикнула Рина.

– Почему не надо? Надо! Прыгай! Чего ждешь? – нетер-

пеливо потребовала Фреда.

Сашка прикинул расстояние до газона. Травка – это, конечно, заманчиво, но промахнешься и размажешься по высокой бровке. Уж лучше асфальт. Он высунул голову. Ветер резанул его по щеке. Ударил по глазам, на мгновение ослепил.

– Когда будет тридцать километров – крикнешь! – велел он Дане.

Даня перевалился животом через водительское кресло и уставился на спидометр.

– Девяносто! Гадство! Почему нет пробок? Опа! Скоро светофор! Может, хоть слегка притормозит… Есть! Пошел вниз! Семьдесят! Шестьдесят!

– Прыгай! – Макар подтолкнул Сашку сзади.

– Крутые – вперед! – Сашка повернулся и схватил его за водолазку. Он действительно способен был вышвырнуть Макара из маршрутки, настолько тот его достал.

– Отпустил меня! – негромко приказал Макар.

– А то что?

Макар с угрозой хлопнул себя по карману.

«Блеф! – подумал Сашка. – Сунет руку в карман – улетим из маршрутки вместе!»

– Сорок! – крикнул Даня. – Тридцать пять!

Сашка оттолкнул Макара и вернулся к двери. Скорость уже не казалась такой высокой. Несколько метров пробежит, а потом будет перекатываться. Главное, чтобы водители зад-

них машин не надумали обгонять их справа.

– Давай! – заорал Даня.

Сашка с силой рванулся в проем, и… тут случилось нечто необъяснимое. Упругая сила подхватила его и, как котенка, откинула назад. Сашка осознал, что сидит на полу микроавтобуса, вцепившись, как в спасательный круг, в ногу Макара.

«Полная защита, грустный пень! Хоть колеса отрывай – на днище доедет!» – вспомнила Рина слова Кузепыча.

Фреда оторвалась от экрана мобильника.

– Засняла! – крикнула она возбужденно. – Ты отделился от маршрутки где-то на полметра, а потом тебя вдернуло обратно! Что-нибудь почувствовал?

– Радость полета! – раздраженно ответил Сашка.

Маршрутка вновь набирала скорость.

– Давайте высунемся и поорем! Кто-нибудь да услышит! Только лучше с другой стороны! Там машин больше! – Кирилл сгоряча хотел ударить в стекло кулаком, но Макар его удержал.

– Не, зачем? Ручки беречь надо! – сказал он миролюбиво.

Наклонился, вытянул из-под сиденья огнетушитель и его донышком раза четыре со знанием дела тюкнул в стекло. Оно покрылось сеткой трещин, но удержалось. Макар, не смущаясь, продолжал настойчиво долбить. Удара после десятого стекло провалилось, повиснув на удерживающей его резинке.

– А теперь орем! Дружненько! С чувством! – велел Макар

девушкам.

Сам орать не стал. Не желал выступать в хоре.

Девушки кричали, размахивали руками. Лара, которую Сашка держал за ноги, под конец высунулась из окна по пояс, оказавшись у открытого бокового стекла неспешно обгонявшей их легковушки. Едва ли такие девушки часто заглядывали водителю в машину, однако он даже головы не повернул.

– Проехал как протезный! Хоть бы шевельнулся! – с обидой сказала Лара, когда Сашка с Кириллом втянули ее назад в маршрутку.

– Ты для него слишком шумная. Ему нравятся тихие тетеньки с тапочками в зубах! – встрял Кирилл.

– Ладно, суслики! По-хорошему не хотят замечать – заметят по-плохому! – с угрозой предупредил Макар.

Не успел никто понять, как это «по-плохому», а Макар уже уперся ногой и отодрал от кресла спинку. Сашка никогда не видел, чтобы кто-нибудь что-либо раскурочивал с таким хладнокровием.

Макар высунулся в окно. Спинка ударила в лобовое стекло двигавшейся по соседней полосе «Тойоты» и отлетела на обочину. На стекле появился скол. Водитель вывернул руль. Совсем близко Сашка увидел недоумевающее полное лицо и дрожащие щеки.

Сашка не выдержал. Высунулся, закричал, замахал сорванным с шеи платком. Он знал, что не заметить его невоз-

можно. Сам-то он мог описать даже шариковую ручку, торчащую у толстяка из кармана.

Кто-то потянул его за рукав. Толкнул на сиденье. Даня.

– Успокойся! Он нас не видит! И ты успокойся! Положи гасилку на место! – Даня отобрал у Макара огнетушитель, которым тот намеревался окончательно добить «Тойоту».

– Он же дернулся! – сказал Сашка убито.

– Дернулся, потому что услышал удар! – пояснил Даня. – Нас для него не существует.

– А люди, которые пытались маршрутку с остановки тормознуть? Они пустоте руками махали? – усомнился Сашка.

– Подозреваю, что саму маршрутку они видят. Но нас и то, что мы бросаем, – нет! – Даня проводил взглядом огнетушитель, который беспокойные ручки Макара все же вышвырнули из салона.

– Сядь и положи ладошки на коленки! – миролюбиво посоветовал он Макару.

– Я поняла, почему маршрутка № Н! «Н» – неизвестность! – внезапно произнесла Алиса.

Даня недоверчиво хмыкнул. Мистики выше двух метров встречаются редко. В столь высоко расположенную голову ничего потустороннего обычно не залетает.

– Ну «неизвестность» так «неизвестность»! Господа! Давайте перестанем бегать, вопить и попытаемся разобраться! Кто-нибудь раньше ездил в маршрутке № Н?

Молчание.

– Тогда должно существовать нечто, всех нас объединяющее. Если поймем это, то поймем и почему нас здесь собрали. Давайте прикинем: есть у нас что-нибудь общее?

– Кроме меня, тут все уроды, – буркнула себе под нос Алиса.

– Возраст, – подала голос Фреда. – Кому тут больше шестнадцати – поднимите руку.

Кирилл немедленно вскинул руку.

– Мелюзга вы все!!! Мне семнадцать!

– Кирюша! Ну-ка покажи еще раз тот пропуск! – мягко попросила Лена.

– Запросто! – рука Кирилла с готовностью нырнула в один карман, в другой, в третий. Поиски велись с исключительной решимостью, но пропуск не появлялся. Лена насмешливо ждала.

Первым потерял терпение Даня.

– Хорошо, возраст! – кивнул он. – Но возраст – это слишком очевидно. В Москве триста тысяч таких, как мы.

– А чего так сразу Морква? А если я не из Морквы? Кто еще не из Морквы? – обиделась Фреда.

«Неморквичей» оказалось много. А Лена так даже из Киева.

– Отлично. Значит, не только Москва, – уступил Даня. – Если на то пошло, я сам из Новосиба. Год назад сюда перетащились и теперь регулярно жалеем… Давайте думать дальше! Внешность, рост, спортивная подготовка, психотип, ген-

дерный признак – у нас разные. Тут сходства искать бесполезно.

– Гендерный чего? – нахмурился Макар.

Сашка заметил, что слово «психотип» ему тоже показалось подозрительным, но про него он спрашивать не рискнул.

– Дяденька ты или тетенька, – объяснила с последнего ряда Рина.

Макар скосил на нее глаза, проверяя, всерьез она или нет, и сделал понимающее лицо.

– Анализируем дальше. Есть ли среди нас гении? – продолжал выяснять Даня.

Кирилл снова вскинул руку.

– Кирюша, золотце! Опусти лапку и продолжай искать пропуск! – с южной мягкостью в голосе попросила Лена. – Кроме Кирюши, другие гении есть?

Кроме Кирюши и скромно зарумянившегося Дани, кандидатов не оказалось.

Даня заиграл складками кожи на лбу.

– Конечно, заманчиво было бы признать, что мы если не гении, то хотя бы таланты каждый в своей области, – он с грустью поднял глаза и сразу их опустил, – но все же опасаюсь, не это здесь определяющий фактор.

– А ча ты на меня посмотрел? Ты, удлиненный! – взорвался Макар.

– Я на тебя не смотрел!

– Да уж! Позырил на меня и стал пороть всякую фигню! Намекаешь, я тупой?

Сашка почувствовал, что разборки могут затянуться надолго. И без того они уносились от Москвы на полтора километра в минуту.

– Он на тебя не смотрел. Он посмотрел на меня! – сказал Сашка и поймал благодарный взгляд Дани.

– Я смотрел на него! Да-да!

Вынужденно удовлетворившись ответом, Макар цыкнул в выдавленное окно.

– Спелись? Этот длинный лидера корчит, а ты за ним табуретку носишь? Ну ладно!.. Берегите себя, ребята!

Фреде надоело снимать. Она опустила руку с телефоном.

– Давайте с другого бока! Как мы вообще оказались в маршрутке № Н? Каждый конкретно? Вот ты? – она ткнула пальцем в Лару.

Оказалось, Лара ехала пробоваться как модель в рекламу летней коллекции одежды.

– Мне у метро бумажку дали! На фотопробы!

– Мчаться по бумажке, которую дали у метро… За город, одной! О небо! – пропела Лена.

– Ты что-то хочешь сказать? – подняла брови Лара.

– Я сказала: «О небо!»

Окостюмленный аккуратист Влад Ганич направлялся забирать монитор и колонки у человека, который позвонил ему вчера вечером. Кто он, Влад не понял. Какой-то знакомый

знакомого.

– Я сразу почуял, что ты любитель халявы! – заявил Макар. Влад с негодованием поправил галстук.

Кирилл сообщил, что оказался в маршрутке № Н случайно. Ему кое-кто понравился, а он, по природной робости, постеснялся подойти на улице. Однако когда у него спросили, кто именно понравился, Кирюша стал темнить. Явно было, что он выбирает между журавлем в небе и синицей в руках.

– Ну с этим все ясно… Врать будет до последнего! А ты чего тут делаешь? Вот ты, мальчик! – Фреда бесстрашно ткнула пальцем в Макара.

Макар поперхнулся. Последний раз «мальчиком» его называла инспекторша по делам несовершеннолетних.

Случайно опустив глаза на запястье Макара, Сашка увидел с наружной стороны ладони три маленьких круглых шрама сизого цвета. Явные следы окурков, которые тушили о кожу.

– Это кто тебя? – спросил Сашка.

Макар посмотрел на руку. Сжал и разжал кулак. Сизые ожоги наполнились кровью и стали фиолетовыми.

– Не твое дело! – резко сказал он и, спрятав руку за спину, пересел к окну.

– Это он себя сам, – шепнул Сашке Кирилл.

– Почему сам?

– Рядом и ровные. Если бы кто-то, он бы дергался. Вроде как наказывал себя за что-то. Фиг его знает! – опасливо

сказал Кирюша.

Сама Фреда ехала узнавать про новый гуманитарно-театральный колледж, о котором случайно услышала по радио. Причем услышала так, что не поняла ни названия, ни точного адреса, а только, что проезд от метро «Планерная» на маршрутке № Н. Да и вообще, оказалось, в Москву Фреда прилетела только позавчера, поселилась у бывшей жены своего репетитора и за полтора дня успела объехать семь институтов и три университета.

– В общем, и тут все глухо. Ничего общего, – подытожил Даня.

Маршрутка ехала долго. Спокойная киевлянка Лена даже ухитрилась вздремнуть, причем из двух соседствующих плеч выбрала плечо Влада Ганича. Спать, прислоняясь к Кирюше, было нереально, потому что он каждые три секунды подскакивал, чтобы с кем-нибудь пообщаться. Влад не стал стряхивать голову Лены, но было заметно, что он страдает и воспринимает ее как нестерильный объект, угрожающий костюму.

Макар с недоверием высунулся в окно.

– Во дела! Кажись, подъезжаем! – сообщил он.

* * *

Маршрутка замедлялась. С шоссе они давно свернули. Потянулись однообразные бетонные заборы, изредка с граф-

фити. Доехав до конца последнего, № Н с неохотой перевалила на разбитую неасфальтированную дорогу. Справа было поле. Слева – подмосковный лесок, пестрящий частыми березками и накрытый желтеющими, точно ни на чем не держащимися шапками кленов.

Машина ехала медленно, враскачку. Минут через пятнадцать остановилась у ворот. Ворота открылись. Маршрутка снова тронулась, проехала метров двадцать и остановилась окончательно.

Сашка дернул дверь и осторожно вылез. Сделал шаг, ожидая, что упругая сила подхватит его и швырнет обратно. Маршрутка стояла на асфальтовой площадке, окруженной кустами сирени. За ними был заурядный двухэтажный дом. Два корпуса и соединяющая их галерея. Невысокая лестница, широкое крыльцо и черная двойная дверь. Рядом – синяя табличка, по которой расползались тараканы неразличимых букв.

– Что там написано? Видит кто-нибудь? – спросил Сашка.

– Там написано: ШНыр!

Сашка обернулся. С ним рядом стоял человек по имени Рина и щурился на солнце.

– Ты что, отсюда видишь? Ну и зрение!

– Да не, не вижу. Я их раньше читала, – признала она со вздохом.

– Как читала?

– Ну я, в общем-то, сама отсюда. Велели встретить, про-

водить и ничего не объяснять. Такие дела. – Рина виновато пожала плечами, и Сашка понял: ей и самой это задание не особо нравилось.

Сашка запоздало сообразил, что в маршрутке она сидела тише всех и не паниковала.

– Так это ты нас сюда затащила? Удушу! – завопил Макар и кинулся на Рину.

Сашка поймал его сгибом руки за шею, попутно обнаружив, что все уже выбрались наружу.

– Утихни! – велел он и спросил у Рины: – Чего дальше? Куда нам теперь?

Рина посмотрела вначале на солнце, а потом на телефон, проверяя, не отстает ли солнце от часов в телефоне.

– Ну пошли! Нас ждут! – сказала она и, повернувшись, направилась к ШНыру.

Переглядываясь, остальные последовали за ней.

– Только не я! Я не пойду! – сказала Фреда и, обогнав всех, пошла первой.

Алиса шагала, с удовольствием наступая на проросшие между плитами головки желтых цветов. Если где-то цветка не было, она специально делала зигзаг, чтобы раздавить цветок в другом месте.

– Если эту подсадную тоже считать, то нас десять, – заявила она.

– Ну и ча? – озадачился Макар.

– А нича! – передразнила Алиса и с вызовом звякнула

смертными жетонами.

Конец августа – начало сентября

Глава 3
ТРИ ЖЕЛАНИЯ

Очень трудно любить того, кто близко. Просто любить того, кто далеко. Допустим, я люблю писателя Чехова, но, живи мы с ним в одном доме, меня бы раздражало, как он смеется, булькает чаем или бросает на полировку мокрую ложку. То есть пока я не научился терпеть кого-то вблизи, нет смысла говорить, что я кого-то люблю.
Из дневника невернувшегося шныра

Круглолицый человек средних лет, ожидавший Гая на борту «Гоморры», был так бодр и деловит, что облаченному в растянутый свитерок и парусиновые брюки Гаю на мгновение захотелось заточить себя в полосатый костюм и побриться.

– О, Гай! – сказал он, вскакивая. – Нет-нет! Я знаю, что вы чудовищно заняты! Мне хватит нескольких минут!

Гай, не глядя, сел. Он знал, что Некалаев успеет придвинуть стул. Причем не только ему, но и толстяку Тиллю. Тридцать шагов от лифта, пять ступенек – а Тилль уже задыхается.

– Меня удивил ваш звонок, – сказал Гай. – И глупая таинственность раздражает. С чего вы решили, что я обязательно куплю у вас то, что вы предлагаете? И, кстати, что именно?

Бодрый человек успокаивающе заулыбался и развел руками, показывая, что все ответы даст в свое время. Потом достал твердый четырехугольник визитки и постучал им по столу.

– Я… хм… всего понемножку. Посредник? Антиквар? Библиофил? Порой умирают интереснейшие люди. Писатели, художники, академики. После них остаются наследники. Чаще всего не особенно сведущие.

– С трудом в это верю, – рассеянно заметил Гай. – Они не могут не знать, на что их родственник убил целую жизнь.

Круглолицый торопливо закивал.

– Разумеется! Им известно, что библиотека деда или отца стоит немало. Вот буквально так и не более того! И почти никто не догадывается, что 95 процентов собраний сочинений в роскошных переплетах ценность имеют весьма небольшую, а дорого стоит одна какая-нибудь крошечная невзрачная книжонка. Первый малотиражный сборник Ахматовой с ее автографом, или хорошо сохранившаяся подшивочка «Сатирикона». Я покупаю десяток красивых книг, переплачивая за них втрое, а крошечную книжечку беру просто из вежливости, в общей куче всяких ненужных вещей.

– Другими словами, ваша задача найти эти пять процентов и получить их за бесценок, оставив остальное дураку-на-

следнику? – сопя, уточнил Тилль.

Круглое лицо его собеседника заблудилось где-то между солнцем и блином.

– Каждый бизнес имеет свои особенности. Научить им невозможно. Можно только научиться. Весной на Остоженке скончалась ветхая старушка, вдова художника-баталиста. Ее племяннице не терпелось избавиться от хлама. Она была просто счастлива, когда я купил у нее два сундука всякого старья.

– Испачканные палитры? Засохшие тюбики масла? – полюбопытствовал Гай.

Бодрый человек захохотал с преувеличенной энергией. У него была привычка завышать стоимость посредственных шуток так же, как и книг.

– Не совсем. Художник писал военные картины, а для них нужны достоверные исторические вещи. Оружие, ткани, кубки. Весь второй сундук оказался забит старинной конской сбруей. Уздечки, ремешки, стремена, украшения.

– Хочешь уздечку? – спросил Гай у Тилля.

Тилль покачал головой и толстыми пальцами стал крошить хлеб.

– Я уж и за руль редко сажусь. Старый стал, неповоротливый.

Бодрого человека эти фокусы не обманули. Раз такие значительные люди слушают тебя до сих пор, будут слушать и дальше. А потом заплатят – никуда не денутся.

– Больше всего меня заинтересовала крышка сундука. Она была подозрительно тяжелой. Я простучал ее и нашел тайник, о котором явно не знали и сами хозяева. Там лежали песочные часы в медном футляре…

Упомянув о часах, антиквар замолк и быстро взглянул на Гая.

– Весьма интересные часы. То и другое принадлежало некому первошныру Митяю Желтоглазому, – сладко добавил он.

Гай перестал чистить ногти уголком визитки и впервые посмотрел на своего собеседника внимательно.

– Что вы знаете о шнырах, Сергей Ильич? – резко спросил он.

Блиноликий осклабился и, словно дохлого кролика, погладил лежащую перед ним салфетку.

– Кое-что. Видите ли, часы были завернуты в обрывок кожи. На коже текст. Очень краткий, но я разобрался… Например, понял, что шныры едва ли мне заплатят. А вот вы – другое дело.

– Что, лично я? – усомнился Гай.

Сергей Ильич опустил глазки так застенчиво, что захотелось дать ему копеечку.

– Нет, конечно. Чтобы выйти на вас, я потратил три месяца. Несколько раз у меня мелькала мысль, что ни шныров, ни ведьмарей не существует. Столько столетий прошло. Отчаялся – и вот удача! Обнаружил в Интернете ролик со стран-

ной аномалией – огромный водный столб на Москве-реке. Кто-то заснял его на мобильник. Грандиозно! Такое могло быть сделано только шныровской закладкой, описание которой было на обратной стороне кожи. А сбросить ее могли только сами знаете на кого… кхе-кхе… Так я вышел на «Гоморру». Остальное – дело техники.

– Неплохо! – одобрил Гай. – Вижу, вы хорошо потрудились. Могу я взглянуть на часы и кожу?

Антиквар опасливо посмотрел на Тилля. Тилль мирно жевал укропчик, который свешивался у него из угла рта, как у лошадки.

– Они у меня. Нет-нет, разумеется, не с собой! Вначале договоримся о цене!

– И какой же будет цена? – полюбопытствовал Гай.

– Высокой. Сделки такого уровня бывают раз в жизни. – Круглая спина антиквара выпрямилась и отвердела. – Я попрошу три вещи, довольно обычные.

– И что же это за вещи?

– Деньги. Здоровье. И хочу всегда знать, что мне угрожает!

Мокрым пальцем Гай нарисовал на полировке кружок:

– А последнее-то зачем? С деньгами и здоровьем?

Бодрый человек дежурно пригорюнился:

– Не люблю двигаться вслепую! Да и работа у меня, сами понимаете, скользкая. Вечно встречаешься с людьми, которых не знаешь. Или все – или ничего. Вот мой девиз.

– Неслабо, – одобрил Гай. – Вы убеждены, что я способен все это вам обеспечить?

– Уверен. Я мог бы потребовать и больше. Три желания – это скромно, учитывая, что песок в часах почти перетек.

Гай перестал разглядывать подбородок своего собеседника и впервые посмотрел ему в глаза.

– Песок? Вы хотите сказать, он перетекал все это время? Все десятилетия?

– Да, – трогая салфетку, подтвердил Сергей Ильич. – Это странные часы. Песок бежит только в одном направлении. И крайне медленно. По одной песчинке в день, на рассвете. Признаться, я хитрил. Переворачивал часы. И тогда песчинка – клянусь! – падала *снизу вверх*!..

Сергей Ильич остро взглянул на Гая, проверяя, какое впечатление произведут его слова.

– Вы наблюдательны. Одну песчинку в день заметить трудно. У вас, должно быть, много свободного времени, – признал Гай.

– Я использовал вебкамеру и отсматривал замедленно при большом увеличении.

Гай потянулся, вставая. Опередив официанта, Некалаев метнулся отодвигать стул.

– Ну хорошо, мой дорогой! – сказал Гай. – Мы выполним ваши желания при условии, что часы действительно принадлежат… как вы там его назвали…?

– Митяю Желтоглазому, – понимающе улыбаясь, подска-

зал антиквар. – Когда вы будете готовы?

– Я всегда готов, – сказал Гай, прислушиваясь к чему-то, происходящему у него внутри. – Здоровье и знание будущего я готов дать вам хоть сейчас. А вот деньги… возможно, нам придется сделать пару звонков! – Гай посмотрел на Тилля.

Поскучнев глазами, Тилль пообещал, что деньги он отыщет и без Долбушина. Из своих личных маленьких сбережений.

– А то мы еще не уладили с Альбертом наше недоразумение, – добавил он.

– Скоро? – жадно спросил антиквар.

– Да, пожалуй, за час управлюсь. Вам же надо много, – благодушно сказал Тилль. – Привозите часики! Они далеко?

Сергей Ильич озабоченно порозовел. На несколько секунд задумался, сдвинул бровки.

– Нет! У меня было предчувствие, что все должно решиться сегодня.

– Так вещи с вами? – Тилль и Гай приятно удивились.

– Нет-нет, что вы! Здесь неподалеку меня ждет друг, – заспешил антиквар.

Гай усмехнулся.

– Ингвар! Деньги!

Тилль неохотно поднялся и враскачку стал спускаться. Вернулся он быстро. Сопровождавшие его берсерки выгрузили из багажника огромную коробку из-под телевизора, заклеенную скотчем.

Их недавний гость вынырнул из парка почти одновременно с Тиллем. Видимо, следил из кустарника. Ботинки у него были мокрые, к коленям пристала трава. В руках он держал испачканный землей портфель.

– Увиделись с другом? – с иронией спросил Гай. – Ну давайте!

Антиквар нервно скосил глаза на коробку.

– Это же смешно! Вы серьезный человек. Конечно, вы меня не обманете! – убеждая себя, произнес он и вручил Гаю портфель.

Гай рукавом обтер с замка землю. Достал громоздкие, толстого стекла часы с медной подставкой. Песок внутри часов был голубоватый.

– Сомнений нет. Работа, правда, *его*, – вполголоса признал Гай. – Взгляните, Ингвар! Что означают цифры 300 и 1?

Тилль забрал у Гая часы, оглядел их и ткнул в подставку негнущимся пальцем.

– Про цифры не знаю. А этот глиняный истукан вам никого не напоминает? – сопя, спросил он.

Сергей Ильич кашлянул, обозначая свое присутствие. Гай повернулся к нему.

– Кажется, вы что-то говорили о коже!

Антиквар поспешно сунул руку в портфель и с готовностью протянул Гаю исписанный лоскут, рассеченный надвое. Одна из половин отсутствовала.

– Другая, надеюсь, не у вас? А то всплывет еще через ме-

сяц за дополнительные три желания, – строго спросил Гай.

Антиквар поспешно замотал головой. Портфель он держал перед собой, вцепившись в него обеими руками.

– Ах да! Желания!.. Вот первое! – вспомнил Гай и носком подтолкнул к антиквару заскотченную коробку.

Затем протянул руки и одновременно коснулся правого и левого виска гостя. Сергей Ильич глотнул воздух. На миг ему почудилось, что руки Гая встретились внутри его головы. При этом пальцы одной руки были ледяными, а другой – раскаленными.

– Ну вот и все! – устало сказал Гай. – Ингвар! Как обычно!

Некалаев и Тилль бережно взяли коммерсанта под руки и повели по мосткам на «Гоморру». Сзади сытый берсерк торжественно нес огромную коробку. Его широкое, самоварное лицо отдувалось важностью.

Сергей Ильич сделал десяток шагов и, опомнившись, остановился.

– А почему туда? Разве я пришел оттуда? – мнительно спросил он.

Во избежание укусов и царапаний осторожный Некалаев отпустил его руку и предупредительно отодвинулся, уступая свое место здоровяку с бычьей шеей.

Журчала вода. Сергей Ильич сидел и истерично смеялся. Гай не обманул. Он действительно получил все, что желал. У его ног стояла открытая коробка. Изредка он доставал пачки, распечатывал и подбрасывал. Деньги падали в воду и плава-

ли. Кашель, мучивший его с зимы, куда-то ушел. Он ощущал себя таким здоровым, каким не был и в двадцать лет.

И, главное, по новому своему дару, антиквар знал, что с ним будет. Знал настолько точно и безошибочно, что даже не вскакивал и не бил в толстую, туго впрессованную в перегородку дверь. Он в трюме, ниже уровня Москвы-реки. Сверху две пустые палубы.

Снаружи монотонно гудел насос. Тесная, лишенная окон каюта в трюме «Гоморры» медленно заполнялась водой…

Двумя палубами выше, соприкасаясь лбами, Тилль и Гай разглядывали косо обрезанный пергамент:

В триумфе мудрой
Лишь верный до
Загадочен судь
На крыльях золотых ей гиб
На триста
И тот же срок раст
Когда же день
Хранитель древний ра
Гиелы юной рот
Изменник л
В том, что неправда
Залог

Гай снова взял в руки часы. Стал вглядываться. Прежде ему казалось, что весь песок перетек. Теперь же он разглядел в верхней колбе прилипшие голубоватые песчинки. Сколько их? Два десятка? Меньше? Пересчитать их было непросто.

– Митяй Желтоглазый исчез три века назад. Не вернулся из нырка. Перед этим он написал небольшую поэму, сделал часы и изобразил на них Горшеню. Цель? – спросил он.

Тилль, засопев, дернул себя за кабанью голову на короткой цепочке-ошейнике.

«Сущий барбос!» – одобрительно подумал Гай.

Глава 4
НА «ВОЛОКОЛАМСКОЙ»

Между станциями «Щукинская» и «Тушинская» пассажиры, следующие по Краснопресненскому радиусу, могут увидеть в окне вагона станцию «Волоколамская».

Эта станция предназначалась для жителей жилого массива, так и не построенного на месте Тушинского аэродрома. На станции отсутствуют выходы на поверхность и наружная отделка, лишь несколько лампочек освещают пустынную платформу и два ряда опор.

Станция типовой конструкции, колонная, мелкого заложения.

Справочный сайт метрополитена

Между вагонами в метро рискуют ездить только подсознательные самоубийцы, диггеры и шныры. Молодой человек, в последнюю секунду заскочивший между последним и предпоследним вагоном тронувшегося поезда на «Тушинской», принадлежал сразу к трем группам. Он был на двадцать процентов самоубийцей, на шестьдесят процентов диггером и на сто процентов шныром. Хотя сегодня шныровскую куртку ему заменяла толстовка с капюшоном.

Гусеница состава медленно протискивалась в тоннель. Поначалу она ползла лениво, но, раздухарившись, начала по-

дергивать боками, желая почесать их о толстые провода в резиновой оплетке. Каждый рывок мог оказаться для человека в толстовке последним. Опора для ног у него была скверная, да и руками ухватиться толком не за что. А скоро он должен будет коснуться *нерпи*, и как держаться тогда – непонятно.

Из окон вагона пробивался свет. Он видел, как желтый четырехугольник, дрожа, скользит по оплетке. Всего метр отделяет его от людей в вагоне, которые дремлют, читают, слушают музыку, пишут эсэмэски. Интересно, кто-нибудь услышит его крик, если он улетит под колеса?

Он начинал жалеть, что ввязался во все это, когда гусеница замедлилась. Грохот состава размазался и перестал оглушать. Свет из окон не отражался больше от стен, а спотыкался о непонятно откуда взявшиеся вертикальные белые колонны.

Между третьей или четвертой колонной на секунду мелькнул свет. Кто-то включил и сразу выключил фонарь.

Для молодого человека в толстовке это послужило сигналом. Он зубами оттянул рукав, прикинул расстояние и, схватившись за *льва* на пылающей *нерпи*, ногой оттолкнулся от ненадежной опоры. Секунду спустя он летел в темноту, только за миг до приземления вспомнив, что сегодня он без смягчающей удары куртки.

Защищая голову, он упал плоско, как тряпка. Никаких перекатов, никаких кувырков. Нет смысла ради красивого приземления вгонять себе в спину кусок арматуры. Лучше об-

тереть пузом плиты. Пусть любимый город станет немного чище.

Лежа на животе, шныр повернул голову. Гусеница прощально вильнула и, электрически звякнув, скрылась в тоннеле. Юноша оперся на ободранные ладони и поднялся. Он стоял на недостроенной и законсервированной подземной станции, не имевшей эскалаторов и выходов наружу. Вокруг лежала железная перхоть большого города.

– Эй! Я тут! – нерешительно окликнул он.

– И мы тут! – отозвались совсем близко.

Молодой человек обернулся, без желания, точно мокрые носки, натягивая на губы улыбку. Луч чужого фонаря ударил его в лицо. Он попытался заслониться, но донести руку до лица ему не дали. В следующую секунду его скрутили так, что ему показалось, будто его зажало в тисках. Фонарь продолжал бить в лицо. Он скорее угадал, чем увидел три широкие фигуры.

Грубые ладони тщательно ощупали карманы куртки, подмышки, спину, обхлопали брючины до голени. Перерезав шнурки, быстро и со знанием дела отстегнули *нерть*. Выгребли ключи, мобильник и перочинный нож с лезвием длиной в мизинец, о существовании которого он и сам едва помнил.

– Он тупой, – робко сказал молодой человек.

Ему посоветовали заткнуться. Один из державших был усатый, нервный и грубый. Другой – круглолицый, бровастый, внешне добродушный. Просто бритый Дед Мороз, до

зимы решивший отдохнуть от бороды.

– Шнеппер есть? Атакующая закладка? – спросил Дед Мороз.

– Ага, сто штук, – неосторожно ответил юноша и получил тыльной частью ладони по губам. Как ни странно, именно от Деда Мороза. Лицо у того при этом было сострадательное, как у человека, вынужденного выполнять свою работу.

– Да нет у него ничего, – ответил тот, что обшаривал штанины.

– Умница! Потопали!..

Могучие фигуры сомкнулись, и его полуповели-полупонесли куда-то. Шагая, молодой человек в толстовке подумал, что, если бы он поджал ноги, этого никто бы не заметил.

Неожиданно берсерк, шедший сзади, издал короткое восклицание и направил луч фонаря себе под ноги. Из брючины шныра выбралась тяжелая пчела и деловито поползла по плитам платформы. Пчела ползла и светилась, как светится только что выкованный гвоздь.

Берсерк ударил ее каблуком. Под каблуком пчела примялась, но сразу расправила крылышки. Берсерк ударил ее во второй раз, в третий. Под конец он уже вращался на каблуке, ввинчивая упрямое насекомое в бетон. Когда от пчелы должна была остаться одна влажная кашица, он оторвал ботинок от плит. Пчела, живая и невредимая, сидела и чистилась, шевеля усиками и сгибая крылышки лапками. Никакой враждебности к тому, кто только что на ней прыгал, она не

проявляла.

Берсерк присел на корточки и зажигалкой стал подпаливать пчеле усики.

– Живучая дрянь! Гля, отдергивает! – сказал он с торжеством.

– Не трогайте ее! – рванулся юноша в толстовке и снова получил тыльной стороной руки. На этот раз больнее, потому что удар пришелся перстнем.

– Оставь насекомое! – морщась, сказал усатый. – Так ей ничего не сделаешь! Сама издохнет, как моя когда-то.

Юноша в толстовке быстро посмотрел на него и опустил глаза. Пчела взлетела и, опустившись ему на капюшон, доверчиво поползла под воротник. Он с тоской ощутил, какая она тяжелая, точно литая.

В центре платформы лампы стали попадаться чаще. Берсерк, топтавший пчелу, выключил фонарь. Уже и без фонаря хорошо был виден стул, повернутый к ним спинкой. Антикварный, с упаднически выгнутыми ножками. Гораздо уместнее он смотрелся бы в загородном дворце пальмового диктатора, а не здесь, на заброшенной станции Московского метрополитена.

На стуле, положив локти на спинку, сидел Гай. Его охрана выстроилась не как обычно, цепью, а образовывала обширный четырехугольник. Изредка кто-нибудь подавал фонарем знак в глубь станции, и ему отвечали так же, кратким миганием. Причем каждый раз вспышки были из новых мест.

«Да их тут четверок восемь!» – прикинул юноша в толстовке.

Его подвели к стулу. Ткань спинки была светлее лица Гая, и юноша то и дело невольно переводил на нее взгляд. От Гая он видел только острые локти и приспущенное мягкое лицо.

Гай ждал.

– Пчелы стали беспокойными. Роятся, всюду летают. Иногда тебя просто облако окутывает – они всюду, – нерешительно сказал юноша.

– Значит, уже скоро, – равнодушно откликнулся Гай.

Юноша торопливо закивал.

– В ближайшие дни.

Гай выслушал его, грызя пальцы.

– Если это все, ты отнял у меня время! В сентябре пчелы всегда летят за новичками. Ради этого мне не стоило тащиться на «Волоколамскую».

Один из охранников – смуглый, с розовым свежим шрамом на скуле, поднял арбалет. Берсерки, державшие парня в толстовке, раздвинулись. Не хотели, чтобы их забрызгало.

Юноша заволновался.

– НЕ НАДО! Я забыл! Четыре пчелы вылетели!

Гай взглядом остановил арбалетчика.

– К кому? Успели отследить?

– Мне кажется, – начал юноша.

– «Кажется»? Мне нужны имена, а не ваши галлюцинации! – оборвал его Гай.

Юноша застыл. Предавать сразу сложно. Хочется предавать по кусочкам, выбирая из них самые «непредательские». Увы, пути назад не было. Помедлив, юноша присел, расшнуровал ботинок и вытащил из голенища сложенный тетрадный лист.

– Жаль, что только четверо, но тоже неплохо! – пробормотал Гай. – Где ты это взял?

– У Кавалерии в кабинете. Списал, пока она искала книги по коневодству, – убито сказал шныр.

Гай сощурился.

– А почему не дал сразу? Ах да!.. Все она, родимая, недобитая совесть!

Юноша отвернулся.

– Теперь о другом. Сделал то, о чем мы договорились? – спросил Гай вкрадчиво.

«Толстовка» поспешно закивала.

– Я пытался! Ночью я ломиком сорвал с улья крышу и пытался выкрасть пчелиную матку. Это было непросто, потому что рядом топтался Горшеня. Хотел мне помешать. Мычал, бормотал, отталкивал, заслонял улей! Я рисковал жизнью!

Гай зевнул.

– Ничем ты не рисковал. Этот глиняный великан глотает только тех, кого любит. Для прочих он абсолютно безобиден! Ты все сделал, как я велел?

– Да. Обкурил пчел той гадостью, что вы мне дали, чтобы они не защищали матку. Меня самого едва не вытошнило!

Гай поморщился.

– Ну-ну, юноша! Осторожнее подбирайте слова! Что гадкого может быть в волосах ведьмы, похороненной заживо ровно девяносто девять лет и девять месяцев назад? Ну да, возможно, Белдо примешал к ним слишком много серовородорода. Но он же хотел как лучше!

– Простите!

– Прощать – это по другому ведомству. Пчелы ее не защищали?

Юноша замотал головой.

– Нет. Но матку я взять не смог! Ее окружает сияние. Я коснулся его, и мне обожгло руку. Я едва сумел отбросить ломик. Он расплавился.

Гай опечалился.

– Это плохо. Хотя нечто подобное я и предполагал… Итак, мой дорогой, сегодня ты пришел с пустыми руками. Пчелиную матку не достал. К закладке в Зеленом Лабиринте можешь подобраться только на несколько шагов… В общем, или ты меня немедленно порадуешь чем-нибудь особенным, или останешься без награды.

Юноша испугался.

– В июне… ну или в конце мая… в школе появилась новенькая. Без пчелы! – выпалил юноша и умоляюще посмотрел на него.

– Это интересно, – великодушно признал Гай. – И что новенькая? У нее есть имя?

– Рина… Она завела гиелу!

Гай дрогнул углами рта.

– Хороший старт! Не можешь завести пчелу – заведи гиелу… Где она ее взяла?

– Говорят, взрослая гиела ощенилась прямо у ограды ШНыра, и ведьм… ой… – юноша осекся, ощутив, как окаменели руки тех, кто его держал.

«Ведьмарь» – слово исключительно шныровское. Нужно было срочно подыскать другое на замену, но от страха у него путались мысли.

– «Отважный наездник гиелы». Ты же это хотел сказать? – с понимаем подсказал Гай. – Он обязан был или пристрелить детеныша, или забрать с собой. Но не бросать… Арно, сообщи Тиллю! Пускай разберется.

Арно сделал пометку. Идеальный секретарь. Услужливый, ничего не забывающий, ничему не удивляющийся. Прикажут поцеловать – поцелует. Прикажут перерезать горло – перережет. Прикажут поцеловать и тут же перерезать горло – сделает, причем без напоминаний и в указанное время. Прилизанная челочка, уместная улыбка. Человек он был удивительный даже для Гая, который знал толк в негодяях. Когда-то, не устояв и взяв закладку в первый же нырок, Арно сам отрезал у себя небо, и так удачно, что даже шрама не осталось.

Теперь всего, что выходило за рамки собственного тела, его безопасности, комфорта и удовольствий, для Арно не

существало. Получить максимум радостей, в том числе и от жонглирования чужими судьбами – и стать глиной. Но этот период он считал непринципиальным. Где теперь царица Клеопатра? Не стало ли ее прекрасное тело кирпичом в каком-нибудь египетском коровнике? Не съеден ли французский король Луи червями, которых склевала птица, которую съела лиса, в которую отложили личинки мухи? В общем, живи красиво, а твоя муха за тобой прилетит… Только одно не давало Арно покоя – *двушка*. Почему этот мир пустой? Для кого?

– Голову берсерка приносить? – уточнил Арно.

– Зачем?

– Ну как зачем? Тилль наверняка предложит.

– Рабочий момент. Пусть сам разбирается, – скривился Гай.

– Это еще не взрослая гиела, щенок. Но она разрешает брать себя в руки. Правда, только хозяйке. Остальным нет, – заискивающе продолжал молодой человек в толстовке.

Гай нахмурился.

– Ты сам это видел? Что она позволяет брать себя в руки? Без намордника? Без фиксации шеи? Без электрошока?

– Сам нет. Наши рассказывали. На территорию ШНыра гиелу пронести не получается. Они ее где-то прячут.

– **Они** – это кто?

– Рина, Афанасий, Ул, ну и всякие прочие, которые с ними, – мгновенно откликнулся шныр.

Гай подмигнул ему мертвенным глазом, в котором отблеск лампы плавал, как луна в луже.

– «Которые с ними»? Емко сказано. Значит, ты не с ними? – сказал он весело.

– Нет, они мне доверяют, но я… – тревожно начал юноша.

– Твое «я» меня не волнует. Убей ее! – перебил Гай.

Парень в толстовке встревожился.

– Кого? Рину? – испуганно спросил он.

– Пока гиелу, – любезно поправил Гай. – Найди и прикончи! Советую поспешить. Ей примерно три месяца. Это возраст, когда гиелы обычно встают на крыло. Эта растет без матери, поэтому, возможно, станет на крыло чуть позже. Но все равно надо спешить.

Юноша заметался глазами. Заходить так далеко он не собирался.

– Зачем?.. Может, я просто найду место, а вы… ну в общем… ее заберете? Пусть служит вам, – пролепетал он.

– Нам она не нужна. Гиела, которая кому-то доверяет, – уродец. А уродцев надо уничтожать. Ты со мной согласен? – голос Гая зазвенел как разбитое стекло.

– Д-да, – спеша, сказал юноша.

– Прекрасно! Отпустите его! – приказал Гай.

Руки, державшие шныра, разжались. Берсерк, похожий на Деда Мороза, издевательски одернул на нем толстовку.

– Не забудь почиститься! А вот шнурок для твоей цацки придется подыскать новый, – сказал он, возвращая *нерпь*.

– Еще одно! – вспомнил Гай. – Про м-м… Горшеню. Ты говорил: он мешал тебе с ульем. Что он вообще делал у Лабиринта?

– Не знаю. Он там часто вертится. Особенно если ночи лунные, – сказал шныр.

– А если безлунные?

– В безлунные уходит в парк и пропадает там до утра.

– Странно, – протянул Гай. – Зачем в безлунную ночь идти в тенистый парк, где даже и при луне мало что увидишь? Если он хочет кого-то напугать или поймать – достаточно встать у тропы, которая ведет к пегасне.

«Толстовка» удивленно взглянула на него, не понимая, откуда ему так хорошо известна география ШНыра.

– Проследи за Горшеней! Куда ходит, зачем! – велел Гай. – Я хочу знать, что он делает каждую секунду безлунной ночи. А с пчелами попробуй вот что!..

Он, не глядя, протянул руку, и тотчас предупредительный секретарь вложил в ладонь маленькую стеклянную банку. Внутри плескалось что-то, похожее на разведенное водой молоко.

– Намажь этим крышу улья. Ну и прочие места, где пчелы отдыхают. Только тонким слоем. Используй перчатку. Яд очень опасен, – сказал Гай.

Юноша протянул руку и, на миг коснувшись сухих пальцев Гая, пугливо взял банку.

– Пчелы бессмертны. Наши новички со своими пчелами

чего только не делают! – почти радостно предупредил он.

Гай досадливо провис углами рта.

– Пчелы постоянно чистят свою матку. Когда на нее через их лапки попадет это, она станет бесплодной и погибнет. Не будет новых пчел – рано или поздно не будет ШНыра.

Юноша вздрогнул и выпрямился. Какую-то секунду казалось, что он сейчас швырнет банку в Гая, но потом он ссутулился и спрятал ее в карман.

– Чего ждешь? Ступай! – приказал Гай.

Юноша не уходил. Даже когда его схватили за плечо и подтолкнули, он остался на месте. Прижимая к груди *нерпь*, он с беспокойством оглядывался на Гая.

– Ну, в чем дело? – спросил Гай нетерпеливо, но с тайным, дразнящим поощрением в голосе.

– Вы обещали! – тревожно сказал юноша.

– А ну да… Так и быть! – Гай лениво потянулся и, играя лицом как резиновой маской, коснулся обкусанным ногтем лба юноши.

Парень в толстовке вздрогнул. По его телу прошла волна удовольствия. Он попытался его скрыть, но лицо выдавало. Рот слабо улыбался. Веки тяжелели. На лбу выступили капельки пота. Когда Гай оторвал от его лба палец, юноша этого даже не заметил. Потом, потеряв равновесие, шагнул и животом налетел на стул.

Берсерки понимающе захохотали.

– Только не злоупотребляй! – посоветовал Гай.

– Я могу остановиться в любой момент! – упрямо сказал юноша.

– Знаю, что можешь, – охотно согласился Гай, любовно отряхивая плечи его запыленной шныровской куртки. – Но все-таки не трать всего сразу. Очень тебя прошу!

Юноша оттянул пальцем воротник и, небрежно отстранив попавшегося ему на пути берсерка, пошел к краю платформы. Он шагал легко, приподнимаясь на носок, и ощущал в теле необыкновенную легкость. Ему хотелось оттолкнуться и лететь, да вот беда – низкий потолок.

На краю платформы юноша почувствовал, что в рукаве толстовки что-то перекатывается и царапает кожу. Он оттянул рукав. Из него выпала мертвая пчела с прижатыми крыльями. Он наклонился над ней. Потом выпрямился.

В тоннеле что-то гудело, приближаясь. Юноша в толстовке оглянулся. Желтый циклопический глаз бил ему в лицо. Парень расхохотался, накинул на руку расстегнутую *нерпь*, разбежался и, прыгнув прямо навстречу глазу, телепортировал за миг до столкновения с поездом.

Гай и его секретарь Арно переглянулись.

– Если о гиеле известно нашему молодому другу, значит, и Калерии тоже. А она не вмешивается. Таким образом, в целом ситуация ее устраивает… – медленно произнес Гай.

– Одна гиела погоды не сделает. Даже потомства не оставит, – заметил Арно.

Гай цокнул языком.

– Важна тенденция. Не хочу, чтобы у шныров появились ручные гиелы.

Секретарь кивнул и сделал отметку в блокноте, где была и отметка о сегодняшней встрече.

– Полезный парень!

– Надо предупредить его, чтобы отказывался от нырков. На территорию ШНыра он проникать пока сможет, поскольку закладок не присваивал, но нырять уже нет, – массируя тяжелые веки, озабоченно отозвался Гай.

– А если договориться с эльбами, чтобы они его не…?

– При чем тут эльбы? Все дело в *двушке.* Она его не примет. К тому же он пожирает псиос такими дозами, что через полгода его ждет психушка. Но за эти полгода из него нужно вытянуть как можно больше.

Гай разгладил тетрадную страницу:

Макар Горошко ул. Тухачевского, д.*, к. 2, кв. 9
Даниил Кузнецов ул. Б. Черкизовская, д. *, кв. 155
Алиса Федина Соболевский проезд, д. *, кв. 99
Александр Дудник проспект Вернадского, д. **, кв. 301

– Говорящий почерк! Завитушки на «М» стоят немало, но окончания слов замельчены, а у «я» дряблый хвостик. Парень с рисовкой, но уверенности не хватает, – заметил он.

Карандаш начертил в блокноте извилистую, пакостных очертаний кривую. Только Арно умел расшифровывать свои знаки.

– Убрать самим или нагрузить Тилля? – негромко спросил секретарь.

– Убрать? – удивился Гай. – Забыл о пророчестве Круни? Эти десятеро рано или поздно доставят в наш мир самую мощную закладку.

Тень от раскачивающейся лампы заблудилась в складках его лица. Лицо всосало мрак, как губка воду. Сквозь вечную ночь «Волоколамской» пронесся поезд. Внутри его вагонов жил свет. Тьма беззубо бросалась из углов, но проглотить не могла и, чавкая, отползала в тоннели.

Глава 5
СУГУБАЯ ДОБРОВОЛЬНОСТЬ ПРИ МИНИМУМЕ НАСИЛИЯ

У царя одна дочь была царевна Несмеяна, а другая – царевна Ржака. Царь обещал одну половину царства тому, кто насмешит Несмеяну, а другую – тому, кто уймет Ржаку.
Сказка Ула

Осенью в ШНыре – особенно в Зеленом Лабиринте и вокруг – всегда кипели краски, такие несочетаемо и пугающе яркие, что приходилось щуриться. Но краски начинали буянить только в октябре. Пока же пятого сентября осень только начинала откручивать зубами крышечки с тюбиков с маслом.

Для Ула и Яры это было счастливейшее время. Точно не существовало предыдущего страшного года, когда Улу казалось, что жизнь кончена. В любой свободный вечер они удирали из ШНыра и шатались по Москве.

– Давай захватим мир! – предложил однажды Ул.

Яра подумала и согласилась. Она обожала масштабные злодейства.

– Мир, ты захвачен! – сказала она шепотом, чтобы не услышали за соседним столиком.

Тихо-тихо в маленьком полуподвальном кафе они отпраздновали захват мира.

Имея на лице уместную вопросительность, подошел толстый официант с блюдом. Ему померещилось, что его позвали.

– Вы завоеваны, но речь не об этом. Сдачи не надо! – великодушно сказал ему Ул.

Официант моргнул.

– Какая сдача? С вас еще шестнадцать рублей!

На следующий день Ул и Яра учили Рину падать с коня. Обвязали ее кордой за пояс и, гоняя Икара по кругу, сдергивали. Собранно упав, Рина должна была нагнать Икара и на бегу заскочить ему на спину.

– Не хватайся за культяпку! Мягче падай, не сопротивляйся! – вопил Ул.

Рина была вся в грязи. Во рту скрипел песок. Куртка, штаны, ботинки – все одного цвета, серого. Такой же была и взмыленная спина Икара. Рина с нее соскальзывала.

Десять падений. Двадцать. Двадцать пять.

– Мало! Мало! Еще! – кричала Рина.

Яра начинала тревожиться, вопросительно поглядывая на Ула. Такого напора она не помнила ни у одного новичка. Наконец или Ул переусердствовал, или Икар, бежавший до того ровно, дернул слишком ретиво. Описав дугу, Рина упала в лужу и не смогла встать.

– Вы садюги! – крикнула она звенящим голосом.

– Мы шныры. Поднимайся! – Ул снова потянул за корду.

Рина разрыдалась быстрым, кратким, как дождь при солнце, плачем. Яра отобрала у Ула корду и отправилась к Рине. Утешать. Менять слезы на смех.

За лето Яра и Рина очень сблизились. Каждая видела в другой свою разгадку, свою недостающую часть: взрывная, мальчишеская, быстро вспыхивающая и мгновенно остывающая Рина и спокойная, чуть холодноватая в эмоциях, очень последовательная Яра.

Рина все еще лежала в луже.

– Класс! – сказала она подозрительно бодрым и четким голосом, переворачиваясь на спину. Лужа хлюпнула. – «Мы шныры» – класс! Супер!

– Чего супер? – не поняла Яра.

– Сам принцип. Упрощение истины до ее сути, безо всякого маскирующего кокетства! Ну типа про писательство можно сказать, что это переработка кофЯ в буковки. Или про единоборства, что это один дядя бьет другого конечностями по головному мозгу, пока случайно не попадет в выключатель… Мы шныры! Ха! Шныры!

Она зачерпнула из лужи грязи и стала капать себе на лоб.

– У тебя истерика! – спокойно предупредила Яра.

– Только что заметила?

Кто-то свистнул по-разбойничьи, в два пальца. У пегасни возник Витяра.

– Ул, Яра! К Кавалерии!

– Зачем?

– От ты дуся! Да без понятия я… Меня послали за старшими шнырами.

Усилившись *львом,* Яра выдернула Рину из лужи как морковку.

– Мы скоро. Успокоилась? Загонишь Икара?

– Угу.

Рина догнала Икара и животом запрыгнула на спину. Так и поехала, колотя ладонью по конскому крупу – голова с одной стороны, ноги с другой. Икар смирный, с ним такие штуки сходят с рук.

А Ул и Яра мчались к Кавалерии.

* * *

Кабинет директора ШНыра чем-то смахивал на квартирку Белдо. Не наличием засасывающих, как трясина, диванов и болтливых черепов, а жесткостью четко разграниченных зон.

Кадка с карликовой сосной, саженец которой Кавалерия принесла с *двушки*, разделяла кабинет на два четких полюса. На южном цвели сады. По многоярусным стеклянным столикам разметалась рассада: листья фиалки в пузыречках, молодые самшиты, новорожденный эвкалипт и желтые розы. Между ними лежали лопатки, секаторы, лейки разных размеров и прочее гномье оборудование. Тут же толпились бесчисленные фарфоровые фигурки утят, котят и человеческих

дитят.

Северная часть кабинета Кавалерии начиналась от пальмы. Даже обычный карандаш имел право находиться здесь, лишь обосновав свою необходимость. Едва такая необходимость исчезала, вместе с ней улетучивался и карандаш.

Забреди сюда случайная фиалка, Кавалерия лично всадила бы в нее стальной шарик из шнеппера. Здесь ей было не до фиалок, потому что в северной части кабинета Кавалерия бушевала. Улавливая приближение опасных минут по едва заметному дрожанию голоса, умный Октавий заблаговременно поджимал хвост и забивался за разросшуюся лиану.

– Можно?

Появившись в кабинете у Кавалерии, Афанасий, Ул и Яра как опытные шныры первым делом посмотрели, в какой части кабинета находится хозяйка. Оказалось, в деловой. Октавий скрывался за кадкой, наружу выглядывая исключительно хвостом.

У Кавалерии сидел Кузепыч. Щеточки бровей сердито шевелились. Он был похож на озверевшего боцмана. Перебросившись с Кавалерий парой слов, Кузепыч вышел.

– Ночью кто-то разбил улей. Доски разбросаны, соты растоптаны. Теперь Кузепыч сбивает все заново. Но соты, разумеется, вне его возможностей, – ни на кого не глядя, сказала Кавалерия.

– А пчелы? – заволновался Ул.

– Пчелы не пострадали. Но все же улей уничтожен. Им негде жить и нечего есть. То, что пчелы золотые, не значит, что они питаются алмазами.

Октавий согласно зарычал из-за кадки.

– Не поддакивай, император!

Император заглох.

– Кузепыч уверен, что это Горшеня. Вокруг улья были его следы. Заметно, что он топтался там всю ночь… И как назло, пчелы только недавно начали вылетать за новичками! Теперь они взбудоражены, сердиты и непонятно, чего от них ждать. Возможно, вместо обычных четырех пятерок они наберут гораздо меньше.

– Вы думаете, Горшеня… – начала Яра.

– Я ничего не думаю! – сухо оборвала Кавалерия. – Горшеня в ШНыре три века. Он гоняет влюбленных, создает новичкам необходимый экстрим и мешает им вытаптывать цветы! Да и вообще Горшеня есть Горшеня. Он символ ШНыра. Другого такого нет.

– И что теперь с ним будет?

Кавалерия засопела.

– Пока… подчеркиваю: пока… ничего. Но если Горшеня и дальше продолжит вытворять такие вещи, с ним придется расстаться.

Афанасий заволновался.

– А сам Горшеня что-нибудь объясняет?

– На разговор с ним я убила целый час, – сказала Кава-

лерия с досадой. – Лепечет что-то непонятное: «Ходил-ходил, трогал-трогал! Пузо голодное не ест!» Вроде мы должны быть благодарны, что он не сожрал улей! Земной ему поклон! – с раздражением сказала Кавалерия и, открыв верхний ящик стола, сунула Афанасию конверт.

– Держи! У тебя это лучше всех получается. Там имя девушки, которую выбрала золотая пчела. Она вылетела вчера, до всех этих событий. Найди ее и устрой обстоятельства… Ул и Яра, вы займитесь ульем! Помогите Кузепычу! За сам улей я не беспокоюсь – меня волнуют соты. И еще охрана. Где гарантия, что ночью Горшеня не разорит и новый улей?

– А если… – начал Ул.

– Давай без «если»! Ты не спартанец! – оборвала Кавалерия. – Поставьте у улья пространственную ловушку! Только не увлекайтесь. Я еще не забыла, как Кузепыч неделю куковал на острове в Белом море.

– Тогда Родион ставил, – наябедничал Ул. – Я им только руководил. Опять же он сам просил защитить ящики со сгущенкой.

Яра поймала его за рукав и потянула к двери. Она лучше улавливала момент, когда надо замолкнуть.

Афанасий вертел в руках конверт – заурядный, с гидроэлектростанцией на напечатанной марке. И незаклеенный.

– Чего делать с новенькой? – спросил Афанасий.

– Как обычно. Сугубая добровольность при минимуме насилия. И особенно не завирайся: сам знаешь, любая ложь

аукнется, когда будешь проходить *болото,* – ответила Кавалерия.

Октавий за кадкой зарычал, сделал робкую вылазку и попытался атаковать уходящего Афанасия укусом в пятку.

* * *

Поручение Калерии Валерьевны Афанасий выполнил в тот же день. Для этого ему пришлось смотаться в университет, чему он был только рад. Поездки в город выдавались у него не особенно часто, не считая вечеров, когда он устраивал фальшивые свидания с шифровальщицей из Гондураса.

Москва деловито жужжала, как улей золотых пчел. Недавно собравшиеся с дачных просторов машины недовольно мычали и, мешая друг другу, ползли на бензопой. Все куда-то спешили, у всех глаза собраны в кучку. Даже младенцы в колясках смотрели буками. Только солнце пыталось всех развеселить, но не справлялось и грустило само, утираясь сыроватой с виду тучкой.

Чиновники тихо сидели в Интернете. Офисные заточники уместно улыбались начальству и выбирали очередную страну для двухнедельного «улизона». Школьники приглядывались к новым преподавателям, нашаривали их слабые стороны и мысленно составляли список заданий, которые можно не делать, и предметов, которые можно не знать. Такой же дух царил и в университете. Эйфория первосентябрьских

встреч уже отгремела, и теперь студенты, отплевывая мраморную крошку, грызли фундамент науки.

Афанасий вышел из первого гуманитарного корпуса МГУ и остановился на крыльце, не узнавая Москвы. Оказалось, пока он ходил, успел пройти ливень. Самое удивительное, что теперь он закончился. Небо прояснилось. Горизонт зубатился четкими прямоугольниками многоэтажек. Казалось, столица улыбается той неуверенной, свежепромытой улыбкой, какая бывает у только что плакавшего человека.

По асфальту текли потоки воды, в низких местах достигавшие середины голени. Решетки стоков превратились в бурлящие омуты. В яме стояла заглохшая машина. Вода доставала ей до середины фар. Другие машины осторожно объезжали ее, вскарабкиваясь на бровку. Точь-в-точь стадо, обходящее убитую молнией корову.

То и дело Афанасию попадались жертвы дождя. Зонтики, пробитые ливнем, не спасали. Многие, отчаявшись, шли босиком, перекинув через плечо туфли, связанные за шнурки. Навстречу Афанасию, подняв выше колен длинную юбку, шла девушка с пакетом на голове. Ручки пакета были лихо заправлены ей за уши.

Афанасий отодвинулся, пропуская ее, поднял голову, и тотчас его окликнули. Афанасий оглянулся. Узнал геометрические полукружья бровей и пшеничные волосы. Гуля. Она схватила его за рукав и, щебеча, потащила по лужам. У Афанасия возникло ощущение, что они расстались не три меся-

ца назад, а только вчера.

– Ты откуда? – спросила Гуля, стараясь затолкать его голову в один пакет со своей.

Афанасий сопротивлялся, отчасти из благородства, отчасти потому, что дождь закончился.

– Из университета! – сказал он.

– Учишься тут?

– Нет.

– И правильно делаешь! – одобрила Гуля. – Подозрительное место! Тут подруги друг о друге хорошо отзываются. Это противоестественно.

На середине проспекта, полного брызжущих водой автомобилей, Гуле пришло в голову остановиться и, подбоченившись, задать вопрос:

– А куда ты тогда делся? Я ждала звонка!

Зная, что ему все равно не поверят, Афанасий коварно соврал правдой.

– Был ранен. Валялся в медпункте. Суповна прокляла меня девяносто два раза. Ровно столько, сколько накормила… Это потому, что я до конца никогда не доедаю. Ее это добивает.

– Все с тобой ясно, северный олень! – сказала Гуля великодушным голосом человека, согласного не стряхивать с ушей лапшу.

Мимо пронеслась машина. Над ней вырос козырек воды. Афанасий торопливо закрыл рот и глаза. Остальное закры-

вать было уже бесполезно.

– Хам! – завопила Гуля, подпрыгивая как воробей. – Натуральный хам! Смотри куда едешь! Тут люди ходят!..

Афанасий осторожно взял Гулю в охапку и перенес на газон. Но и на газоне Гуля продолжала подпрыгивать и грозить машинам. Вопли были смешные и нестрашные. Как у ребенка, который бьет стол за то, что тот стукнул его углом.

Наконец она успокоилась.

– Я о тебе думала, – сказала Гуля, не то, чтобы делая признание, а просто информативно.

Афанасий забеспокоился. Он не привык, чтобы о нем кто-нибудь думал.

– Как поживает твой медведь? Он все такой же зеленый? – поспешно спросил он.

Они договорились встретиться завтра. На сей раз без отговорок.

– Я возьму с собой подругу. А ты захвати какого-нибудь из знакомых! – распорядилась Гуля. – Я теперь приноровилась находить в гипермаркетах бутылки с выигрышными кодами! Вчера учуяла одну, а она уже у женщины в тележке.

– А твоя подруга тоже… – осторожно спросил Афанасий.

– Что тоже?

Афанасий замялся. У него язык не поворачивался произнести «инкубатор для эльбов».

– Ну обладает способностями?

Гуля подозрительно оглянулась на пожилого мужчину с

профессорской бородкой, который сидел на корточках на противоположной стороне проспекта и разглядывал плавающее в луже яблоко.

– Нина может найти любой предмет.

– Клады ищет?

– Если увидит того, кто его зарыл. А так любой потерянный неодушевленный предмет… Она несчастная. Познакомь ее с кем-нибудь!

Афанасий хмыкнул.

– Чтобы сделать несчастными сразу двоих? Да запросто!

– А у твоего друга есть способности?

– Только одна. Он завязывает бантиком строительные гвозди, – ответил Афанасий.

Он прикинул, что захватит с собой Макса.

* * *

В ШНыре Афанасий оказался быстро. На автобусы в сторону области были жуткие очереди, и Афанасию это показалось хорошим поводом для телепортации. Оказавшись на бетонной площадке за воротами, он хотел сделать шаг, но понял, что, промахнувшись на сантиметр, застрял подошвами в асфальте.

Отбить ботинки было нереально, да и нечем. Пришлось разуваться и идти в ШНыр босиком, оставив ботинки торчать перед бампером автобуса Кузепыча.

К Максу Афанасий подошел вечером, когда тот занимался важным практическим делом: подбирал из перепутавшихся пар более-менее подходящие по цвету носки. Стиралок на весь ШНыр было шесть штук. Все стояли в комнате рядом с душевой, и, так как народу в ШНыре было много, вещи вечно путались. Чего только не пробовали. И тазики подписывали маркером, и бирки на вещах метили, и тесьму подшивали, и стираться пускали по нескольку человек – ничего не помогало.

Макс в первую секунду заявил, что ему наплевать. Он никуда не пойдет. Потом сказал: так и быть, за компанию сходит, хотя заранее знает, что девушка окажется та еще обезьяна.

– Это еще почему?

– Закон д-джунглей! У хорошеньких д-девушек подруги всегда мартышки. Твоя Г-гуля хорошенькая? – спросил он.

Афанасий благоразумно промолчал. Он не торопился называть Гулю «своей». Ему казалось, что любовь с первого взгляда – телевизионный штамп. С Ярой совсем другое. Вирусная любовь вне правил. К тому же он уже выздоровел.

Макс натянул на огромную ножищу носок и пошевелил пальцами.

– Встречаться с в-ведьмарихами запрещено! – сказал он.

– В кодексе ШНыра об этом ничего не сказано. Я проверял. Опять же они не ведьмарихи! – вступился Афанасий. Ему неприятно было, что Гулю так назвали.

– А кто?

– Ну… э-э… просто себя немного не там ищут.

Макс заржал.

– А что т-ты мне дашь, если я п-пойду? – поинтересовался он.

Афанасий врезал ему кулаком по спине и ушиб кулак. Максу это понравилось. Он обожал, когда об него ушибались. А еще Макс любил притворяться тупым культуристом. Причем притворялся с таким упорством, что все чаще действительно им становился.

– Ладно, даром пойду. Только у-учти! Разговаривать с твоей м-мартышкой я не б…буду. А сунется ко мне – голову о…о…откручу!

– Да нет проблем! – торопливо согласился Афанасий.

Дальнейшее поведение Макса его удивило. Гигант, якобы не придававший свиданию особого значения, стал нервно подбирать джинсы и вышвыривать из шкафа водолазки.

– Эта меня д-дохлит!.. А эта м-мала! – ругался он и снова заявлял, что никуда не пойдет, так как ему нечего надеть, а в шныровской куртке идти никак невозможно.

Афанасий хотел предложить Максу свой свитер, но понял, что такому лосю он подойдет только, чтобы таскать в кармане, как талисман.

Макс толкнул ногой шкаф и с убитым видом уселся на пол.

– Ненавижу С-суповну! Откормила так, что на меня те-

перь ничего не лезет!

– Какая тебе разница? Ты же идешь за компанию, – утешил его Афанасий.

– Я не хочу, чтобы о…обо мне по-одумали, что я пы… пыридурок! – заявил Макс.

Наконец ему удалось найти приличную одежду, и он успокоился. Правда, ненадолго, теперь он озаботился, что сделать с волосами. Вверх волосы у Макса не лежали. С прямым зачесом он ходить не желал. С зачесом влево одна упрямая прядь все время сваливалась, а с зачесом вправо становился виден прыщ.

Афанасий благоразумно устранился. Лучший способ кого-то взбесить – это начать успокаивать. Само слово «успокойся!» имеет ярко выраженный психопатический эффект. Объяснять же Максу, что он выглядел бы всемеро лучше, если бы не таращил глаза и не старался ходить с напряженными мышцами, было бесполезно.

Ул валялся в гамаке и наблюдал за метаниями Макса.

– Бери пример с меня! Я последний раз смотрелся в зеркало, когда помогал тащить его по лестнице! – похвастался он.

– Это п-п…потому, что ты и…инвалид!

– Я не инвалид! Я юзер собственной внешности! – возразил Ул.

– Тогда убери свой б-бардак, лузер собственной внешности! Я с-спотыкаюсь! – рявкнул Макс и, дернув за веревку,

катапультировал Ула из гамака.

Ул заржал. Он был бардачник даже не в квадрате, а в какой-то зашкаливающей степени. Так, если предмет у него падал, он не пытался его поднять, а просто начинал считать, что там, где он упал, его новое место.

– И не подумаю! Я могу жить и в чистоте, и в берлоге. А ты только в чистоте. Значит, я более совершенная модель человека.

Здесь Ул слегка принизил Макса. По большому счету, Макс тоже был бардачник, только убежденный, что жить в чистоте ему мешают сторонние разбрасыватели.

Макс собирался до четырех утра и так надоел всем обитателям чердака, что Ул ушел спать в пегасню, а вспыльчивый Родион начал швырять в Макса тяжелыми предметами.

И иногда даже попадал.

* * *

Встреча была назначена на «Белорусской» в шесть вечера, в центре зала. При этом, называя место, Афанасий тормознул и слишком поздно вспомнил, что «Белорусских» вообще-то две. На эсэмэски Гуля отвечала довольно странно.

«**Мы на какой станции встречаемся: кольцевой или радиальной**?» – торопливо набирал Афанасий и получал ответ в стиле:

«**Хи-хи! Зеленый мишка тебя цалует!**»

«**Я серьезно!**»

«**Хи-хи! И он серьезно!**»

Афанасий одной рукой терзал телефон, а другой отлавливал убегающего Макса. Тот по дороге ухитрился три раза передумать, и в самый последний момент Афанасию едва ли не «стоп-кран» пришлось дергать, потому что Макс попытался остаться в вагоне.

Они приехали в шесть ноль одну. Девушек не было. Сбегали на кольцевую, но их не было и там.

Афанасий пространно рассуждал, что такое центр зала. Макс психовал. Он стоял и поливал грязью подругу Гули. Афанасий сто раз пожалел, что связался с Максом. Хотя кого еще брать? У Ула есть Яра, а Родиону предлагать бесполезно.

Из перехода вынырнула красивая женщина и стала кричать в трубку: «Погода тут отвратительная! Солнца нет! Кран в душе поломан!» И в голосе ее было торжество, что ее опять не смогли сделать счастливой.

– Спорю: она говорила с мужем. У нее в голосе звучала семейная интонация! – сказал Афанасий, когда женщина ушла.

– А!.. Поубивать бы в-всех баб! Да и вообще, откуда в м-метро солнце? – отозвался Макс.

Наверное, для того, чтобы не позволить Максу поубивать всех женщин, к нему подошел тщедушный милиционер с большой дубинкой и проверил документы. Через две мину-

ты подошел еще один, без дубинки, и тоже проверил. И опять все оказалось в порядке. Афанасий надеялся, что и у него кто-нибудь посмотрит паспорт, но им никто не заинтересовался. Ему даже стало обидно, что он выглядит так примерно.

Афанасий снова хотел сходить на кольцевую, но опасался, что пока он будет бегать, Макс слиняет. Стал звонить по телефону. Первый раз абонент был вне зоны приема, а во второй раз Гуля сняла, но слышен был только гул поезда.

Гуля с подругой отзвонились минут через пятнадцать, но не с «Белорусской», а из города. Оказалось, они сидят в кафешке на «Маяковской» и спускаться в метро не собираются. Порассуждав немного о принципах работы головного мозга у девушек и даже о его местонахождении, они поехали на «Маяковскую».

– О, я тут не особо д-далеко живу! Можно потом ко мне з-заскочить! – оживился Макс.

– С девчонками?

Макс испугался.

– Ты что, и-издеваешься? Ты маму мою не з-знаешь!… И б-бабушку, – добавил он через двадцать секунд. – И т-тетю, – сказал он еще через минуту.

Как это ни смешно, но громила Макс вырос в сугубо женском окружении. Папа, когда-то имевшийся в наличии, продержался не дольше первого приступа жадности у тещи, первого весеннего обострения у тети и первой робкой попытки

объяснить бабушке, что в туалете конструктивно предусмотрен шпингалет.

В Москве Макс жил в центре, в семиэтажном доме, с потолками такими огромными, что в детстве заманивал в квартиру друзей и предлагал доплюнуть до потолка. За все годы получилось только у одного, не столько плевучего, сколько прыгучего товарища, причем слюна с хорошей примесью шоколада виднелась потом лет шесть. Квартира была старая, неудачно спланированная, с замурованными, никуда не ведущими дверями и громадным встроенным шкафом, в котором при необходимости можно было переночевать. Правда, для этого пришлось бы разгрести сотню банок с консервацией столь древней, что пробовать ее никто не решался, а выбросить рука не поднималась.

Окна выходили на Садовое кольцо. Когда на Макса нападала мозговая лень (а она всегда странным образом накладывалась на необходимость к чему-нибудь готовиться), он сидел на подоконнике и смотрел, как по кольцу ползут машины. Машины ползли по нему всегда, и маленького Макса беспокоило, не могут ли они когда-нибудь закончиться. Среди ночи, разбуженный ревом мотоциклов, он босиком подходил к окну и проверял, как там машины. Убеждался, что они все еще едут и, значит, не закончились, и, успокоенный, ложился в кровать.

Кафешка оказалась во дворах.

– Место г-глухое. З…засада! – уверенно заявил Макс.

– Почему?

– В кафе ее у…устроить проще! У тебя шнеппер есть?

Шнеппера у Афанасия не оказалось. Только *нерпь*, да и та в рюкзаке.

– Давай так! Я зайду, и если не появляюсь через шестьдесят секунд, беги меня спасать! – сказал Афанасий и толкнул дверь.

Когда он вышел десять минут спустя, Макс, сопя, выламывал из ограды железный прут.

– Чего так д-долго?

– Да они прямо у входа. Заболтался! – стал оправдываться Афанасий.

Гуля с Ниной сидели за вторым столиком от двери. Макс был представлен Афанасием как «мой друг Максимилиан». Он сам не знал, почему ляпнул «Максимилиан». Когда он нервничал, язык у него совершал немыслимые выкрутасы.

– А нам Афанасий в окно показывал, как ты забор ломал! Это было так забавно! Нина даже думала, что у тебя треснет водолазка! – зачирикала Гуля.

По этой реплике «друг Максимилиан» разобрался, где какая девушка, и стал незаметно разглядывать Нину. К его изумлению, она оказалась ничего. Цвет волос лошадник Макс определил как «серая в яблоках блондинка».

Афанасий тоже был удивлен. Вчера, когда Гуля сказала, что Нина несчастная, он представил себе тощенькую девушку, которую будут поддерживать под локоть. «Серая же в яб-

локах» блондинка оказалась румяной, отлично сложенной, но несколько в стиле: «Зачем вы мой бантик потеряли?»

Стилистика потерянного бантика проявлялась в том, что она хлопала ресницами, дула губы и поминутно произносила:

– Зачем вы меня сюда затащили?.. А тут кофе без коньяка? А то смотрите: сделаюсь буйная. Вы все будете за меня отвечать!

Богатырь Макс ей нравился. Скоро она стала бросать в него хлебными шариками, толкать коленом и повторять:

– У тебя страшные глаза! Я уверена: ты ужасный человек!

«Ужасный человек» слушал и млел. Афанасию он напомнил большую собаку, которую никто никогда не ласкал, а теперь вдруг решили почухать.

Кафе было уютное, с веселыми рисунками на стенах и потолке. За первым столиком сидело забавное семейство. Отец жевал с такой карикатурной важностью, будто тем, что поедал шоколадный торт, делал огромное одолжение и торту, и заведению, и человечеству в целом. Сын жался к матери и вообще был точной ее копией.

«Ребенок похож на того, кто его больше любит», – резюмировал Афанасий и стал прикидывать, так это или нет. Это была его внутренняя игра. Он выдвигал тезис, а потом подбирал аргументы «за» и «против».

– Эй! – окликнула его Гуля. – Ты уже десять минут размешиваешь чай! Может, остановишься?

Афанасий очнулся.

– Не обращай внимания! У меня пароксизм довольства! – объяснил он.

Гуля поспорила с официантом, что угадает все цифры его студенческого удостоверения, и за кафе им платить не пришлось.

– Это мелочи! – сказала Гуля скромно. – Зато я все теряю! А вот Нина только находит!

Афанасий через дырку в кармане незаметно отправил себе в ботинок два рубля и предложил Нине сказать, где они. Она нашла, слегка поморщившись, как профессор математики, у которого проверяют таблицу умножения. Макс долго думал, что спросить, а потом вспомнил, что в школе у него украли из раздевалки физкультурную форму, и спросил, кому она понадобилась.

Серая в яблоках блондинка кокетливо улыбнулась. Лицо у нее было невероятно гибкое и выразительное, с ямочками. Ямки эти, как выстрелы из миномета, всякий раз возникали на новом месте.

– Никому. Ее просто выбросили в окно. А вот солдатик в трещине за батареей – это интересно. Помнишь, ты проплакал всю ночь?

Оказалось, Макс помнит. Он и заикаться стал тогда же, хотя у них в семье была в ходу версия, что его напугала соседская собака.

Потом они пошли шататься по центру. Макс, поначалу ро-

бевший и державший Нину пугливо, как дверную ручку в общественном гигиеническом учреждении, постепенно осмелел и предлагал показать, как правильно сломать шею часовому, чтобы он не пикнул.

– Смотри, я пикаю! Пик-пик-пик! – немедленно подала голос Нина.

Осчастливленный Макс сгреб ее за шею. Гуля и Афанасий шли сзади, не слишком близко, чтобы буйная парочка на них не налетала.

– А почему ты говорила, что она несчастная? По-моему, веселая, – спросил Афанасий.

– Ее все бросают. Млада – это наша знакомая – говорит, у нее венец безбрачия и смыть его можно только слоновьей кровью!.. – сказала Гуля на полном серьезе. Имя служанки Белдо она произносила с трепетом.

– Чьей кровью?

– Напрасно издеваешься. Мы даже и в зоопарк ходили – да разве к слону сунешься?

Афанасий что-то пробурчал.

Нина о чем-то оживленно говорила, Макс же ограничивался в основном жестами. Не желая лишний раз заикаться, он заменял слова движениями. Мимика у него была богатейшая. Лоб он умел морщить ладов на двадцать. А уж его нос – веселая трактористская картофелина – вообще мастерски передавал всяческие выражения. И гармошкой собирался, и ерзал, и весело сопел.

В конце Тверской под одной из многочисленных мемориальных досок у шныров была зарядная закладка. Афанасий вспомнил о ней, когда за пятьдесят шагов до нее Нина внезапно подвернула ногу, а Гуля в ту же секунду метнулась через дорогу. Афанасий и раньше заметил, что понятия проезжей части для нее не существовало.

Афанасий догнал Гулю за секунду до того, как она размазалась о борт проносящегося фургона. Машины визжали тормозами. Сзади мчались Макс и Нина, сдернувшая с ноги туфлю. Гаишник, этот пастух машин, выпятив живот, стоял в своей будке. Когда они перебегали дорогу, он сердито засвистел, но догнать их не пытался. Пешеходы, даже явно сумасшедшие, были для него мелкой дичью.

– Ну и куда ты неслась? – спросил Афанасий на другой стороне Тверской.

Гуля задумалась, видимо, сама пытаясь разобраться зачем.

– Я забыла купить салфетки… Да, салфетки! – предположила она неуверенно.

Афанасий поразился быстроте реакции новорожденного эля. Секунд через пять Гуля окончательно уверится, что ей нужны были салфетки и что это ради них она едва не осталась на асфальте.

Починив Нине каблук, они погуляли еще часа два, и перед расставанием стали договариваться о новой встрече.

– Давайте в п-пятницу! – сказал Макс.

Нина и Гуля переглянулись.

– В пятницу мы не можем.

– Почему?

Внятного ответа они не получили. Девушки мялись. Все же из обрывков ответов Афанасий сумел сложить, что в пятницу ведьмари что-то затевают. И будет это в психологической школе на Болотной площади, в день очередного набора.

Прощались они в метро. Нина подставила Максу щеку и длинным ногтем наметила место.

– Надеюсь, ты не собираешься меня целовать? Это так омерзительно! – подсказала она.

Макс чмокнул ее с атлетической честностью, обхватив голову руками. Афанасий некоторое время ждал, не хрустнет ли у Нины череп, но Нина оказалась прочной.

– Ну вот! Мало того, что этот ужасный человек подлым образом затащил меня на свидание!.. Он еще на меня и кидается! – возмутилась Нина, доставая зеркальце, чтобы уточнить нанесенный лицу урон.

Пока Афанасий размышлял, обязан ли он целовать Гулю по той причине, что Макс поцеловал Нину, и не будет ли это являться плагиатом, Гуля поднялась на цыпочки – разница в росте у них была большая – и поцеловала Афанасия в бровь.

– До встречи!

Макс заржал так отвратительно, что Афанасий снова ушиб об него кулак. Подошел поезд. Они запрыгнули в вагон.

– Ну как тебе? – спросил Афанасий в тоннеле.

Макс подозрительно посмотрел на него. Он, как и барышня с телефончиком, не любил признавать себя счастливым. Недовольство – универсальная валюта, на которую все можно купить, если торговаться подольше.

– Кто?

– Сам знаешь.

– Н-ничего. С-сойдет, – осторожно признал Макс.

– А мне почему-то кажется, это надолго, – вздохнул Афанасий. – Ну с Гулей. Не то чтобы интуиция… Просто чем бестолковее ситуация, тем она более настоящая, что ли.

Макс ничего не понял и хмыкнул. Поезд замедлился, остановился и снова тронулся.

– Я теперь не успокоюсь, пока не прибью ее эля. Я себя знаю… – сказал Афанасий.

– Смотри и ее не п-прибей с ним вместе! – спокойно посоветовал Макс.

И снова они молчали. Макс мирно покачивался, держась за поручень. Афанасий же попрыгивал, как воробей.

– Ты все понял? – заорал он вдруг Максу на ухо.

– Да, – вздрогнул Макс. – А чего я п-понял?..

– Думай!

Макс думал до следующей станции.

– А! Что моя Нина, скорее всего, из форта Белдо, а не из форта Д-долбушина? Она пы-п-практикантка, – заикнулся он.

«Ого! – оценил Афанасий. – Моя Нина! Быстро он ее присвоил! А несколько часов назад называл обезьяной».

– Я не о том, – сказал он. – У ведьмарей новый набор! Хорошо бы посмотреть, как это все у них протекает? А?

* * *

В ШНыре Афанасий встретил Ула. Тот стоял со своим похожим на двустволку шнеппером и с пятнадцати шагов целил в консервную банку. Выстрелил. Банка осталась стоять.

– Я вот тут думаю о женских капризах. Ну, когда кому-то мерещится, что с лошадью больше времени проводят и все такое… – сказал Ул.

– А это правда? – спросил Афанасий.

– Не о том речь. Что их вообще заставляет так себя вести? Может, женщина капризничает потому, что ей важно проверить, вынесет ли мужчина капризы возможного ребенка? Типа тест?

– Есть девушки, которые не капризничают, – неосторожно брякнул Афанасий.

Ул снова выстрелил.

– Кто? Твоя радистка из Гондураса?.. Чудо! былиин! Так их, небось, учат на гвоздях спать, головой вниз есть и пальцем сейфы открывать.

– Учили, – сказал Афанасий.

– Как учили?

– Она погибла, – Афанасий опустил глаза. – Не вышла на связь. В горах, где был спрятан передатчик, нашли втоптанную в землю чеку от гранаты.

Ул схватил его за руку. Весь он – от волос на голове до ногтей на ногах – был одна сплошная дружба.

– И ты молчал?

– Да шучу я. Жива. Сидит дома. Купила кулинарную книгу, – кисло признался Афанасий.

Ул оттолкнул его.

– Ничего себе шуточки!!! Ты просто болван!

– Ага, – кивнул Афанасий. – Знаю.

Банка, в которую целился Ул, упала сама.

Калерию Валерьевну Афанасий нашел в преподавательской, узкой и длинной. Ходили споры: то ли Кузепыч замуровал часть коридора, то ли она вытянулась вследствие неудачной пляски шаманщиков, которые хотели задавить преподавательский состав ШНыра стенами, но не справились и только вытянули комнату.

Кавалерия стояла у доски с расписанием и соображала, как сделать из одного свободного педагога четыре, чтобы заполнить все «окна».

– Ничего не вытанцовывается! Опять народ будет болтаться без дела! Похоже, придется вам заниматься с новичками, – пожаловалась она.

– С новичками? Неужели пчелы…?

Косичка Кавалерии клюнула рыболовным поплавком.

– Последние вылетели сегодня. Пчелы успокоились – значит, осенний набор закончен. Этой осенью мы наберем девять. Плюс «беспчельная» Рина.

– А вы отдайте их Кузепычу. Он всем умеет находить занятие, – посоветовал Афанасий.

Кавалерия усмехнулась.

– Ну чего тебе?

Афанасий рассказал, опуская детали. По его версии, они встречались с девушками исключительно в интересах ШНыра.

– Конечно, можно атакующую закладку рвануть, но там не одни ведьмари будут. «Инкубаторов» жалко, – закончил он.

Кавалерия долго вертела в пальцах карандаш.

– Риск должен быть оправданным. Мы можем потерять человека, а что получим взамен?

– Ну как… посмотрим, как там и что.

– И что увидим? Стены?

– Не… Ну ведьмарей хотя бы… – растерялся Афанасий.

– А раньше ты их не видел?.. Или считаешь, что главы фортов будут делиться планами с толпой людей, собранных по всей Москве? – насмешливо спросила Кавалерия.

Сдаваясь, Афанасий выпустил воздух через вытянутые трубочкой губы.

– Значит, вы против?

– Мне нужно подумать.

Глава 6
МАЛЬЧИКИ – НАЛЕВО, ДЕВОЧКИ – НАПРАВО!

*Приятно встретиться с Вами. Меня зовут Филомена-жа Анн рассо, я видел вас сегодня в профиль (www.***.ru) и становятся заинтересованы в вас, пожалуйста, пришлите мне письмо на мой электронный адрес для меня чтобы дать вам мои красивые картинки и рассказать вам подробнее о те. I будет ждать вашей почты сегодня (помните, что расстояние и/или цвета кожи ни языка doesn, T вопрос, но любовь делает) Филомена Ann.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.